

Сергей Егорович Михеенков родился в деревне Воронцово Куйбышевского района Калужской области. Окончил Калужский государственный педагогический институт, Высшие литературные курсы. Служил в рядах Советской Армии. Публиковался в журналах «Подъём», «Москва», «Наш современник», «Юность», «Сура», «Армак». Автор многих книг прозы и исторической документалистики, вышедших в издательствах «Вече», «ЭКСМО», «Молодая гвардия», «Центрполиграф». Биограф маршала Г.К. Жукова, И.С. Конева, К.К. Рокоссовского, певицы Лидии Руслановой. Живет в Тарусе.

Сергей Михеенков

ПИСАТЕЛЬСКАЯ РОТА

(О тех, кто к штыку приравнял перо)

Глава седьмая

МИХАИЛ КУЛЬЧИЦКИЙ

**«ВОЙНА — СОВСЕМ НЕ ФЕЙЕРВЕРК,
А ПРОСТО — ТРУДНАЯ РАБОТА...»**

Современники Михаила Кульчицкого в один голос твердили: если бы он не погиб, в самое скорое время вырос бы в поэта уровня Маяковского и Есенина...

Погиб.

1

Михаил Кульчицкий родился в Харькове 22 августа 1919 года.

Отец его, Валентин Михайлович, служил адвокатом, в недавнем прошлом ротмистр 12-го драгунского Стародубского полка. По другим сведениям — жандармский чин. Земляки поэта харьковчане восстановили его родословную. Бабка Кульчицкого по отцу, немка Евгения Федоровна Цвейгер — актриса, певица, выпускница Одесской консерватории по классу вокала. До революции играла в Театре Сарматова, а после — в Народном театре. Имела родственные связи с Афанасием Фетом и, по словам сестры

Кульчицкого Ольги, «посещала его в Орловской губернии...» Дед, Михаил Васильевич, был казацкого рода. Прадед — лихой казак Василий — воевал на Кавказе, участвовал в походе против турок и, как повествуют семейные хроники, привез себе оттуда, из того похода, жену — грузинскую княжну. Поселился в Киеве. И было у Василия и грузинской княжны трое сыновей.

Мое родословное древо другое —
Я темнейших грузинский
Князь.

.....
Я немного скрывал это
Все года,
Что я актрисою-бабушкой немец,
Но я не тогда,
А теперь всегда
Считаю себя лишь по внуку:
Шарземец.

«Шарземец» — это от любимого Велимира Хлебникова, со стихами которого он не расставался до самой гибели. Считал Хлебникова своим главным учителем. Кстати, именно в Харькове имажинисты Сергей Есенин и Анатолий Мариенгоф в апреле 1920 года избрали Велимира Хлебникова Председателем Земного шара.

Отец Кульчицкого, Валентин Михайлович, происходил из дворянского рода Херсонской губернии. Старый рубака, полный Георгиевский кавалер. В Русскую армию вступил «рядовым на правах вольноопределяющегося 2-го разряда». Воевал в Русско-японскую войну. Там, на сопках Маньчжурии, личной храбростью в схватках с японцами и выслужил свои кресты. Во время Первой мировой произведен в офицерский чин. Участвовал в знаменитом Брусиловском наступлении. Вел дневниковые записи, которые потом переработал в рассказы и издал. Писал стихи. Два поэтических сборника в промежутке между войнами вышли в Твери (1906) и в Харькове (1912). В 1917 году, вернувшись с войны, Валентин Михайлович женился на сироте Дарье Яструбинской, которая переехала в Харьков из Славянска.

Михаил родился, когда Харьков штурмовали части дроздовцев Добровольческой армии генерала А.И. Деникина.

Сын ветерана двух войн и Георгиевского кавалера появился на свет под грохот пушек и треск пулеметов. Получил имя небесного воина Архистратига Михаила.

А еще Харьков был буквально пронизан, высвечен изнутри присутствием здесь — в 1920-е годы — поэтов Есенина, Маяковского, Хлебникова, Мандельштама, Кирсанова, других. Бывали здесь эпатажные Бурлюк и Каменский. Собирали большую публику в Оперном театре, выступали в Клубе чекистов, а в зале в это время сидели Лиля Брик и ее сестра Эльза с мужем Луи Арагоном. Поэты и их подруги из Харькова потом исчезли, вначале в Москву, а потом и вовсе на небеса, но свет их на харьковских улицах и в душах харьковчан остался.

Харьков вошел в стихи Кульчицкого как первая любовь.

Я люблю родной мой город Харьков —
Сильный, как пожатие руки...

В Харькове окончил школу № 1 (восьмилетку), а потом в школе № 30 — девятый и десятый классы. После школы работал плотником, потом чертежником на Харьковском тракторном заводе.

Еще в школьные годы, в литературной студии Харьковского дворца пионеров познакомился с Борисом Слуцким. Началась дружба. Чтение стихов, в том числе и своих. Менялись добытыми через третьи-четвертые руки книгами. Борис Слуцкий

Михаил Кульчицкий

вспоминал: «В семье у нас книг почти не было... Первая книга стихов, самолично мною купленная на деньги, сэкономленные на школьных завтраках, — томик Маяковского... В середине 30-х годов в Харькове мне и моим товарищам, особенно Михаилу Кульчицкому, читать стихи было непросто: достать их стоило немалого труда. Книжку Есенина мне дали домой ровно на сутки, и я сутки подряд, не разгибая спины, переписывал Есенина. До сих пор помню восторг от стихов и острую боль в глазах. Точно так же, как радость от чтения какого-нибудь однотомника — тогда это был самый доступный вид книгоиздания — смешивалась с легким чувством недоедания. Короленко — полтора рубля — тридцать несъеденных школьных завтраков».

И еще: «Давным-давно в Харькове на Гречковской улице в темноватой, уставленной старинной мебелью квартире Кульчицких

Миша показывал мне несколько тоненьких книжечек отца. Среди них были стихи — они, кстати говоря, описаны в известном библиографическом томе Тарасенкова (Русские поэты XX века: 1900–1955). Было и несколько брошюр об армии, о морали военного человека, офицера, гвардейца. Мы с удивлением вычитали из брошюр полемику к Короленко: В.М. Кульчицкий отстаивал необходимость в офицерской среде дуэлей. В.Г. Короленко зло и убедительно его оспаривал».

Сестра Кульчицкого, Ольга Валентиновна, считала главной книгой отца по армейской теме «Советы молодому офицеру» — «даже сейчас, а может быть, именно сейчас не устаревшие истины и правила поведения на службе и в быту».

Именно книга Георгиевского кавалера В.М. Кульчицкого стала основой принятого в армии Кодекса чести русского офицера. Впоследствии большинство положений Кодекса перекочевали в Красную Армию, в ее писанные и неписанные уставы.

Первое стихотворение Кульчицкий опубликовал в 1935 году в журнале «Пионер». Боже мой! Какая богатейшая и разветвленная была в Советском Союзе система печати и, в частности, журналов, в том числе и литературных! Для детей, отроческого возраста и юности: «Костер», «Пионер», «Юность», «Мурзилка», «Веселые картинки», «Вокруг света», «Уральский следопыт». Не говорю о «толстых» литературных журналах. И в каждом из них было место для поэтов и прозаиков. Поэты публиковали свои стихи, прозаики — рассказы, отрывки из романов, а порой и целые романы и повести, с продолжением из номера в номер. Она, эта система, вполне удовлетворяла читательские интересы и творческие претензии всех слоев общества и возрастных групп. И что тоже немаловажно: все эти журналы платили гонорары!

В 1938 году поступил в Харьковский университет, на филологическое отделение, но учился там недолго и через год, пройдя творческий конкурс, перевелся в Москву в Литературный институт им. А.М. Горького. Учился в семинаре Ильи Сельвинского вместе с Борисом Слуцким и Сергеем Наровчатовым.

Некоторые исследователи жизни и творчества поэта, упоминая об аресте отца В.М. Кульчицкого в 1933 году «за сокрытие дворянского происхождения», говорят о том, что это воспрепятствовало Михаилу Кульчицкому «поступить после школы в военное училище». В 1936 году отца выпустили — «за отсутствием состава преступления».

В Москве в Литературном институте продолжалась дружба с Борисом Слуцким. Появились новые знакомства.

То поколение советских поэтов было выпоено пафосом гражданской войны. Это были физически крепкие и морально стойкие «Мальчики Державы», как скажет о них годы спустя литературовед и критик Лев Аннинский.

Мы запретим декретом Совнаркома
Кропать о Родине продажные стишки.

Вот таким был Кульчицкий и его одногодки.

Поэтому, когда запахло порохом, они целыми курсами, хлынули вначале на фронт Зимней войны, а потом и Великой Отечественной. Не военкорами с писательскими билетами в кармане, а рядовыми солдатами, бойцами лыжных истребительных батальонов, рядовыми стрелками в дивизии народного ополчения.

В 1941 году, вскоре после 22 июня, Кульчицкий явился в военкомат и вскоре был зачислен рядовым красноармейцем в истребительный батальон. На фронт батальон не попал, охранял Москву, посты находились непосредственно в окраинных кварталах города. Одной из задач бойцов было дежурство на крышах домов во время немецких авианалетов. Нужно было вовремя отыскивать зажигательные бомбы и подручными средствами гасить их, пока они не вызвали пожара.

Когда угроза захвата Москвы была снята, Кульчицкий все же нашел способ попасть на фронт. Более того, он реализовал давнюю свою мечту и стал офицером. В декабре 1942 года окончил Хлебниковское пулеметно-минометное училище и в звании младшего лейтенанта отбыл в действующую армию на Юго-Западный фронт, стоявший против сталинградской группировки немцев и их союзников итальянцев.

Это было тяжелейший период в истории Великой Отечественной войны. Конец 1942-го — начало 1943 годов. Шла кровавая рубка под Ленинградом. Кольхалась земля, напитываясь кровью, под Ржевом и в районе Брянска и Жиздры. Перелом же произошел в Сталинграде и в промерзших степях между Волгой и Доном.

Михаил Кульчицкий в то время командовал минометным взводом 1178-го стрелкового полка 350-й стрелковой дивизии 6-й армии Юго-Западного фронта.

В район Верхнего Мамона на Среднем Дону младший лейтенант Кульчицкий прибыл в дни, когда 350-я стрелковая дивизия генерал-майора Гриценко в составе 6-й армии уже начала наступление — началась операция «Малый Сатурн». Историки называют ее Среднедонской (16-30 декабря 1942 года). Она была частью Сталинградской стратегической наступательной операции. Юго-Западный и левый фланг Воронежского фронта ринулись вперед с целью разгрома противника, занявшего позиции на Среднем Дону. Конечной же целью броска вперед был Ростов-на-Дону. К 20 декабря полки дивизии генерала Гриценко во взаимодействии с частями 7-го танкового корпуса овладели Кантемировкой.

Вот один из документов тех дней, найденный в Подольском архиве Министерства обороны Российской Федерации. О маленьком подразделении — минометном взводе младшего лейтенанта М.В. Кульчицкого — в нем, разумеется, нет ни слова. Слишком незначительная даже в масштабе дивизии единица — минометный взвод. Но своим огнем и минометчики Кульчицкого добывали эти трудные и пока еще незначительные победы.

1. Пр-к подразделениями 543 и 541 пп 387 пд и 14 б-на чернорубашечников 15 легиона «ЛЕОНЕССА», удерживая свои левым флангом рубеж выс. 201,8, юж. опушка рощи 3 км вост. ВАЛЕНТИНОВКА, своим правым флангом медленно отходит в зап. и сев-зап. направлениях. В лесу 3 км вост. ВАЛЕНТИНОВКА — 2 мин. батареи и одна легкая арт. батарея фланговым огнем препятствуют движению по дорогам Фисенково-Валентиновка, Фисенково-Лиман. Лес вост. Лиман и лес вост. ПАСЕКОВО удерживаются мотомеханизированными подразделениями «СС» силою до б-на.

2. Части дивизии, преодолевая сопротивление, уничтожая прямой наводкой огневые точки пр-ка полковой артиллерией, к 17.00 27.12.42. вышли:

1178 сп, одним б-ном прикрывая направления ВАЛЕНТИНОВКА-ФИСЕНКОВО, двумя б-нами имея задачей, обходя ВАЛЕНТИНОВКА с юга, овладеть КАДУРИН и к исходу дня — занять и удерживать выс. 213,4, выс. с отл. 193,6 к 17.00 27.12.42. вышел 2/1178¹ сп — выс. с отл. 212,8. 3/1178 сп занял АХОР и вышел на зап. окр. АХОР.

1176 сп (без 2/1176сп), наступая двумя б-нами задачей, обходя ЛЕБЕДЕВ с севера, занять ЛЕБЕДЕВ, ПАСЕКОВО и выйти на рубеж — отл. 153,6; + 23. 223,0, преодолевая огневое сопротивление, успеха не имел и, медленно продвигаясь, к 19.00 27.12.42. вышел на рубеж — 500 мт. Сев.-зап. САР, что сев.-зап. ГОЛАЯ, юго-вост. опушка леса 2 км вост. ПАСЕКОВО. Готовится к ночным действиям.

3. Резерв Комдива — 2/1176 сп, без одной роты — АТАМАНОВСКИЙ в готовности к действию.

4. 82 тп — двумя танками Т-34 — КОСОВКА, прикрывает подходы к КОСОВКА с севера. Остальным составом — ФИСЕНКОВО — прикрывает танкоопасные направления Фисенково-Саробабин, Фисенково-Валентиновка, Фисенково-Лиман и частью сил поддерживает огнем наступающую пехоту 1178 сп.

5. Потери в людях: с 16.12.42. по 27.12.42. — начсостава — 241; мл. начсостава — 460; рядовых — 2000. Итого — 2907. (Примечание — потери 1180 сп показаны по 18.12.42.)

6. Трофеи за день: один легкий танк, один мотоцикл, одна м/к пушка, много патронов.

7. Решил закрепить достигнутый успех, подтянуть огневые средства и ночными действиями выполнить задачу.

8. Прошу: 1) Ускорить продвижение 172 СД и занятие ею ВАЛЕНТИНОВКА.

2) Пополнить личным составом и конским составом части дивизии согласно нашей заявки.

3) Подвезти армейским транспортом боеприпасы, главным образом для для дивизионной артиллерии — АТАМАНОВСКИЙ.

4) Для обеспечения успеха возвратить два дивизиона 97 гмп.

5) Возвратить в мое распоряжение 1180 сп.

КОМАНДИР ДИВИЗИИ
ГЕНЕРАЛ-МАЙОР /Гриценко/.
НАЧАЛЬНИК ШТАБА
ПОДПОЛКОВНИК /Орешников/.

¹ Имеется в виду 2-й батальон 1178-го стрелкового полка.

В донесении упоминается о легионе «Лионесса». Это было соединение из состава 8-й итальянской армии. Три батальона чернорубашечников. Имели литеру «М», что означало принадлежность к «батальонам Муссолини». Это были батальоны, сформированные в области Трентино, хорошо подготовленные и обученные. Имели тяжелое вооружение и танки. В период операции «Малый Сатурн» легион «Лионесса», оказавшись под ударом дивизии генерала Гриценко, по данным итальянского Генерального штаба, потерял почти всех командиров батальонов, 70 процентов офицеров и 55 процентов легионеров. Помните советско-итальянский фильм «Подсолнухи» с Софи Лорен и Марчелло Мастоляни в главных ролях? Это о них, о «батальонах Муссолини».

Немцы на фронте скептически относились к своим союзникам, ставили их боевые качества невысоко. Поэтому командующий группы армий «Дон» фельдмаршал Манштейн приказал, по возможности, перемежать части итальянцев частями или хотя бы подразделениями немцев. Но немцев не хватало. Поэтому войска Юго-Западного и Воронежского фронтов сравнительно легко прорвали оборону итальянских, румынских и венгерских соединений и отрезали сталинградскую группировку от основного фронта. Дальнейшее истории известно.

4

Младший лейтенант Кульчицкий погиб в бою 19 января 1943 года близ села Трембачево Новопсковского района Луганской области.

Дивизия продолжала медленно продвигаться на Кантемировку. Полки несли огромные потери. При значительном некомплекте в ротах и батальонах основная тяжесть ложилась на полковую артиллерию и батальонные минометные подразделения. Противник в этих обстоятельствах тоже стремился, прежде всего, выбить у наступающих средства основной поддержки.

Похоронен Кульчицкий в братской могиле в селе Павленково неподалеку от места гибели. На братской могиле плита:

**ЗДЕСЬ
ЗАХОРОНЕНЫ ВОИНЫ
СОВЕТСКОЙ АРМИИ
ПАВШИЕ В БОЯХ ЗА РОДИНУ
В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ
1941–1945 гг.**

Ст. л-нт	Санников Н.Е.	20.01.43
Ст. л-нт	Рыбочкин Н.Г.	20.01.43
Л-нт	Мухин А.П.	20.01.43
Л-нт	Щербаков С.А.	18.01.43
Л-нт	Щербаков Б.С.	20.01.43
Л-нт	Завалич Г.М.	20.01.43
Л-нт	Плешканов К.Г.	19.01.43
Мл. л-нт	Гиркин А.Ф.	19.01.43
Мл. л-нт	Колобков Н.А.	01.43
Мл. л-нт	Малинкин Н.Я.	18.01.43
Мл. л-нт	Кульчицкий М.В.	01.43
Мл. л-нт	Дусмагомбетов Д.	14.01.43

Дата гибели на плите не обозначена. Тело младшего лейтенанта Кульчицкого первоначально было захоронено в братской могиле в деревне Трембачево, потом перенесено в Павленково, в офицерскую могилу.

И тут начинается загадка, загаданная самой судьбой.

Литинститутский однокашник и друг Сергей Наровчатов, скорее всего, эмоционально не веря в гибель Кульчицкого, еще на фронте написал:

Я верю: невозможное случится,
Я чарку подниму еще за то,
Что объявился лейтенант Кульчицкий
В поручиках у маршала Тито...

Стихи Наровчатова предполагают, что, возможно, младший лейтенант Кульчицкий числится среди пропавших без вести, что, возможно, в бою был взят в плен, а потом бежал к югославским партизанам и с ними дрался против общего врага. Вымышленный сюжет был выдержан в героических тонах. Все по законам жанра — жизнь вопреки смерти. И, скорее всего, именно это наровчатовское, товарищеское неверие в смерть друга послужило причиной и поводом развития дальнейшей истории.

Совсем недавно на родине поэта, в Харькове, в газете «Вечерний Харьков» появилась публикация журналистки Марины Ефановой. Она пишет: «Есть версия, что харьковчанин похоронен в братской могиле в селе Павленково Луганской области».

— На самом деле Михаил Кульчицкий пропал без вести, — уверяет Михаил Красиков. — Он был удивительно жизнелюбив, и никто из знавших его людей не мог поверить, что его уже нет в живых. Так, известный поэт Сергей Наровчатов еще в военные годы написал стихи... <...> Люди верили, что он пробрался к партизанам. Один из харьковских приятелей поэта написал мне, что якобы в немецких военных хрониках среди пленных мелькнуло лицо Миши. У меня хранится письмо с фантастической версией о немке, которая рассказывала, что жила вместе с Кульчицким, сбжавшим из концлагеря в Германии, а потом он исчез».

О гибели (исчезновении) Михаила Кульчицкого вскоре узнал Борис Слуцкий и, проверяя версию плена, по своим каналам — военной прокуратуры и СМЕРШа — начал проверять списки узников концлагерей, но фамилии младшего лейтенанта Кульчицкого среди пленных обнаружить не удалось.

Существуют и другие версии гибели (исчезновения) поэта. Говорят, что он даже не доехал до фронта, а был убит во время налета немецкой авиации на воинский эшелон. Или — что убит в первом же бою, но похоронен потом. Что выжил в плену и потом, уже после войны, его видели в колымских лагерях и на пересылке...

Война — категория сложная. На войне все могло случиться. А потому любая из вышеперечисленных версий, даже самая невероятная, может быть правдой. Но, скорее всего, это легенды. А правда — братская могила на Луганщине.

Возможно, одну из версий — плен и лагеря — подкармливала история полковника Г.А. Зверева.

Григорий Александрович Зверев, полковник РККА, а затем генерал РОА, с марта 1943 года командовал 350-й стрелковой дивизией. 22 марта контужен и попал в плен. Причем это был уже второй его плен.

До июля 1943 года Зверев содержался в лагерях военнопленных на Украине и в Польше. В это время в лагерях шла усиленная агитация с целью вербовки добровольцев в вооруженные силы Комитета освобождения народов России (КОНР). Летом 1943 года Зверев примкнул к власовцам, освобожден из концлагеря и направлен в Дабендорф в школу РОА. В феврале 1945 года присвоено звание генерал-майора. Генерал Зверев командовал 2-й дивизией РОА. В дивизию входили три пехотных полка, артиллерийский полк, полк снабжения, два противотанково-зенитных дивизиона, два отдельных саперных батальона, отдельный батальон связи. Всего — 11 865 человек. Дивизия Зверева входила в состав Южной группы

вооруженных сил КЮНР. В мае 1945 года дивизия дислоцировалась на территории Австрии. Последние приказы штаба А.А. Власова Зверев не выполнил. Находился в глубокой депрессии, так как его жена приняла яд и медленно, в мучениях, умирала. Когда к расположению дивизии подошли войска Красной Армии, распустил части и подразделения и бежал в американскую зону оккупации. Его примеру последовали многие офицеры и рядовые бойцы РОА. Когда понял, что американцы передают власовцев союзникам, совершил попытку самоубийства выстрелом из пистолета в висок. Однако пуля лишь повредила череп и вышибла правый глаз. Его переправили в Москву. Под следствием и на суде Зверев признал себя виновным. В августе 1946 году по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР повешен во дворе Бутырской тюрьмы вместе с другими предателями Родины из РОА.

Допустить, что пути Зверева и Кульчицкого где-то и в какой-то роковой момент пересеклись, невозможно.

Известно и другое. СМЕРШ, а потом органы госбезопасности, как известно, проверяли всех побывавших в немецком, финском, румынском и венгерском плену. Ходили и по следам без вести пропавших. В том числе офицеров и солдат 350-й стрелковой дивизии.

Нет, не объявился младший лейтенант Кульчицкий ни среди советских военнопленных, ни в поручиках у маршала Тито, ни — уж если и о них зашла речь — среди власовцев.

Другая тайна поэта — его архив. Михаил Красиков рассказывал корреспонденту газеты «Вечерний Харьков»: «У Кульчицкого был целый чемодан с рукописями, который он перед уходом на фронт решил оставить в Москве своей возлюбленной Генриетте Миловидовой. Мне рассказывала сестра Михаила, что, по словам Генриетты, Миша пришел с этим чемоданом к ней и хотел оставить, пошутив, что она будет богатой вдовой. Девушка рассердилась и выставила чемодан на лестничную площадку. Кульчицкий ушел с чемоданом, но куда он его отнес, неизвестно. Миловидова всю жизнь сожалела о своем поступке, но огромный архив поэта исчез бесследно».

5

Родители и сестра Михаила Кульчицкого во время войны оставались в Харькове. В августе 1942 года во время немецкой оккупации отец поэта Валентин Михайлович попал в облаву. Сидел в тюрьме. Его допрашивали, били. Заболел тифом и в декабре того же 1942 года умер. Сын о смерти отца так и не узнал.

* * *

Мечтатель, фантазер лентяй-завистник!
Что? Пули в каску безопасней капель?
И всадники проносятся со свистом
вертящихся пропеллерами сабель.

Я раньше думал: «лейтенант»
звучит вот так: «Налейте нам!»
И, зная топографию,
он топает по гравию.

Война — совсем не фейерверк,
а просто — трудная работа,

когда,
черна от пота,
вверх
скользит по пахоте пехота.

Марш!

И глина в чавкающем топоте
до мозга костей промерзших ног
наворачивается на чеботы
весом хлеба в месячный паек.

На бойцах и пуговицы вроде
чешуи тяжелых орденов.

Не до ордена.

Была бы Родина
с ежедневными Бородино.

26 декабря 1942, Хлебниково-Москва.

КРЕСТЫ

М. Шолохову

На Кубани долго не стареют,
Грустно умирать и в сорок лет.
Много раз описанный, сереет
Медленный решетчатый рассвет.

Казаки безвестного отряда
(Рожь двадцатый раз у их могил)
Песню спели, покурили рядом,
Кое-кто себя перекрестил.

Самый молодой лежал. И ясно
Так казалось, что в пивной подвал
Наркомпрод царицынский, вглядыся,
Зубы стиснув, руку подавал.

То не стон зубов — еще нет срока.
То не ключ охранника в замке.
То не сумасшедшая сорока
На таком же взбалмошном дубке.

Да и то не сердца стук. То время
Близит срок шагами часовых.
Легче умирать, наверно, в темень.
И наверное, под плач совы.

.....

Чистый двор, метенный спозаранок,
И песок, посыпанный в зигзаг.
Рукавом отерши с глаз туманок,
Выстроиться приказал казак.

И построились две шеренги одаль,
Соревнуясь выправкой своей.
Каждый пил реки Кубани воду,
Все — кубанских золотых кровей.

Есаул тверезый долго думал.
Три креста светились на груди.
Все молчали.
Он сказал угрюмо:
«Кто с крестом на сердце — выходи».

Пленные расхристывали ворот:
«Нет, нас не разделит жизнь и смерть!
Пусть возьмет их ворон или ворог!» —
И бросали золото и медь.

И топтали крест босые ноги.
Всех ворон гром снял со всех дубков.
И плыли глазницы над дорогой
Без креста впервые казаков.

1939.

* * *

В.В.

Друг заветный! Нас не разлучили
Ни года, идущие на ощупь,
И ни расстояния пучины
Рощ и рек, в которых снятся рощи.

Помнишь доску нашей черной парты —
Вся рубцах и надписях, и знаках,
Помнишь, как всегда мы ждали марта,
Как на перемене жадный запах

Мы в окно вдыхали. Крыши грелись,
Снег дымил, с землей смешавшись теплой,
Помнишь — наши мысли запотели
Пальцами чернильными на стеклах.

Помнишь столб железный в шуме улиц,
Вечер... огоньки автомобилей...
Мы мечтали, как нам улыбнулись,
Только никогда мы не любили...

Мы — мечтали. Про глаза-озера.
Неповторные мальчишеские бредни.
Мы последние с тобою фантазеры
До тоски, до берега, до смерти.

Помнишь — парк. Деревья лили тени.
Разготовы за кремнями грецких.
Помнишь — картами спокойными.
И деньги
Как смычок играли скрипкой сердца.

Мы студенты. Вот семь лет знакомы
Мы с тобою. Изменились? Каплю.
Все равно сидим опять мы дома,
Город за окном огнится рябью.

Мы сидим. Для нас хладеет камень.
Вот оно, суровое наследство.
И тогда, почти что стариками,
Вспомним мы опять про наше детство.

Февраль 1939.

БИБЛИОГРАФИЯ

Молодость. Стихи. — Харьков: Видання ХДУ, 1939.

Самое такое. Стихи. — Харьков: Прапор, 1966.

Рубеж. Стихи. — М.: Молодая гвардия, 1973.

Вместо счастья. Стихотворения. Поэмы. Воспоминания о поэте. (Составление, подготовка текста и примечания О.В. Кульчицкой и М.М. Красикова. — Харьков: Прапор, 1991.

Советские поэты, павшие на Великой Отечественной войне. — М.-Л.: Советский писатель, 1965. (Б-ка поэта. Большая серия).

Имена на поверке. — Мурманское книжное издательство, 1966.

Советские поэты, павшие на Великой Отечественной войне. — СПб.: Академический проект, 2005. (Новая б-ка поэта. Большая серия).

НАГРАДЫ И ПРЕМИИ

Не имел.

Глава восьмая

ЮРИЙ БЕЛАШ

«ПЬЯНЫЕ ДРАКИ ПОД ОРГАННУЮ МУЗЫКУ...»

1

От стихов Юрия Белаша волосы встают дыбом и пересыхает в горле. Фронтовики, слушая их, плачут. Все в них настолько точно и правдиво. Поэт он странный, неожиданный. Таких больше нет.

О себе Юрий Семенович тоже написал предельно кратко и честно:

«Я никогда не думал, что могу писать стихи.

Три строки я еще мог, попотев, накропать, а вот зарифмовать четвертую — было свыше моих сил. Белые давались легче, но и они, в общем, являли жалкий вид.

Повоевав три с половиной года на фронтах Отечественной войны, я поступил в Литературный институт имени А.М. Горького — с пьесой, затем перешел на критику, окончил аспирантуру — и занимался рецензированием и редакторской работой.

Видать, штудировав чужие книги и рукописи, я и сам кой-чему научился, — во

всяком случае, в конце 1967 года написал свое первое стихотворение — «Слезы». Не преувеличиваю: это было столь неожиданно, что долго не мог уразуметь, как же сие произошло...

С тех пор пишу стихи. В основном — о войне: другие темы мне кажутся пресными.

Конечно, о войне написано так много, что подчас представляется, что написано уже все. Но это не так. И особенно это ясно тем, кто был в окопах.

А я был. Был сержантом в стрелковом батальоне, в нескольких сотнях метров от врагов и нескольких сантиметрах от смерти. Оттого-то и пишу главным образом о бойцах и сержантах переднего края — о том, что детально знаю по собственному опыту.

Понятно, для литературной работы знание материала еще не все. Но при равных прочих условиях непосредственное знание жизненного материала, точное следование ему — на мой взгляд, основное, что надо поэту.

Вот я и старался — предметно, в прямом изображении — передать чувства и мысли моих, в большинстве своем, давно погибших фронтовых товарищей, обстановку переднего края, собственные впечатления военных лет.

И когда я сейчас пытаюсь понять, а почему так поздно начал писать стихи, то прихожу к мысли, что главная причина, пожалуй, в том, что я, как ни странно, долго не мог постичь простую истину: поэзия должна быть познавательна не меньше, чем добротная проза.

Но лучше поздно, чем никогда».

Это — авторское предисловие к книге «Окопные стихи». Книга вышла в издательстве «Советский писатель» в 1990 году. В предисловии поэт так же искренен, прост и непосредствен, как и в своих стихах.

Что касается познавательности поэзии Юрия Белаша, то это действительно так, стихи его в буквальном смысле *познавательны*. Каждое из них по сути своей — новелла. Но все же это стихи, а не рифмованная проза.

В патронник загоню патрон.
Затвор поставлю на предохранитель.
Готово все для похорон, —
давайте, что ли, подходите.

Берите...

Но запомните одно:
ох, дорого вам это обойдется! —
коль скоро мне греметь на дно,
то вам меня сопровождать придется.

Я жизнь свою задаром не отдам.
Умоюсь я — и вас умою кровью.
Мы смерть разделим пополам,
и вашу долю — вам я приготовлю.

И то, что это не болтовня,
вы сами в этом скоро убедитесь,
и прежде чем приняться за меня —
вы за себя сначала помолитесь.

Юрий Белаш

Пускай глаза мне выключают вороны
и белый свет я больше не увижу, —
до самого последнего патрона
не принимаю вас
и ненавижу.

Я кончил.
Ровен сердца стук.
И отжимаю я предохранитель.
Ну, что вы заскучали вдруг?
Давайте, суки, подходите!..

(«Непримиримость»).

2

О Юрии Семеновиче Белаше известно немного. Родился в Ленинграде 8 ноября 1920 году, умер в Москве 17 июля 1988 года. До войны жил в Москве. Призван Ростокинским райвоенкоматом в сентябре 1941 года.

Война для него началась неподалеку от пункта призыва, под Москвой.

В составе 13-й дивизии народного ополчения прибыл в район Вязьмы. Войска Западного фронта под командованием генерала И.С. Конева вкапывались здесь в землю, готовясь принять удар группы армий «Центр». 26 сентября Ростокинская ДНО была переформирована по существовавшему на тот период общевойсковому штату и получила порядковый номер 140-й стрелковой дивизии. В самый канун начала немецкого наступления (операция «Тайфун») из 32-й армии передана состав 19-й. В первых числах октября 1941 года попала под удар 3-й танковой группы, затем была окружена вместе с другими дивизиями и целыми армиями. Дралась в окружении. Потом, когда отдан приказ на выход, с боями прорывалась на восток и юго-восток. Из окружения вышли разрозненные группы. В декабре дивизию расформировали — потери ее составляли более 80 процентов личного состава. Потеряна почти вся артиллерия и тяжелое вооружение. Многие попали в плен и содержались в концлагерях в Вязьме, Дорогобуже, Рославле, Всоходах и Угре. В плен попал командующий 19-й армией генерал М.И. Лукин, многие командиры дивизий, штабные работники. Это был разгром. Но те, кто избежал гибели и плена, заняли оборону на новом, Можайском рубеже. Среди них оказался и красноармеец Юрий Белаш.

После расформирования 140-й стрелковой дивизии он попал в 96-ю стрелковую дивизию. В документах, которые удалось отыскать в Подольском военном архиве, он уже упоминается как сержант и минометчик, вначале командир расчета, а потом батареи 120-мм минометов. Батарея тяжелых минометов принадлежала 338-му стрелковому полку 96-й стрелковой дивизии.

Из окружения Юрию Белашу пришлось выходить и в 1941-м, и после, когда дивизия уже шла по Белоруссии. Пережитое легло в стихи.

Я встретил его в окружении... Разный
Мотался в ту пору народ по лесам, —
и чтоб не промазать — решил, что устрою
на первом привале проверку ему...

Я сбросил свой «сидор», набитый харчами,
которые я у фашистов забрал:

— Ты, кореш, пока что костерчик сложи,
а я за водичкой спущусь к ручью.

— Винтарь-то оставь. Надоело небось
таскать эту дуру по всей Беларуси!..

— Да нет, не скажи. Без нее даже скучно, —
и екнуло сердце тревожно и муторно.

Дошел до кустов — и нырнул под крушину.
И вовремя!.. Только я выглянул — вот:
уже вещмешок мой подался в осинник.
— А ну-ка постой, молодой и красивый! —
и встал на колено и вскинул винтовку.

Я думал: раскрашу ему фотографию,
и ну его к черту, такого попутчика!
Но он себе выбрал другую судьбу,
Когда передернул затвор карабина.

Я выстрелил первым — поскольку меня
не сразу открыл он меж листьев крушины.

(«Крушина»).

Из других документов, обнаруженных в архиве, явствует, что 16 января 1942 года сержант Ю.С. Белаш был тяжело контужен.

3

Девяносто шестая стрелковая дивизия была сформирована весной 1943 года под Тулой на базе 117-й и 160-й стрелковых бригад. Еще зимой, не дожидаясь полного формирования, отдельные части дивизии были погружены в эшелоны и отправлены под Валуйки, войдя в подчинение Воронежского фронта. Но уже в начале июля дивизия была переброшена в район Калуги и вошла в состав 53-го стрелкового корпуса 11-й армии Брянского фронта. Когда южнее соединения Центрального фронта (К.К. Рокоссовский) и Воронежского фронта (Н.Ф. Ватутин) отбили летнее наступление немцев (операция «Цитадель»), сразу несколько фронтов на гигантской дуге от Спас-Деменска и Жиздры на севере и до Белгорода и Харькова на юге перешли в наступление. Пошли вперед и войска Брянского фронта. 11-я армия, в которую входил 53-й стрелковый корпус, атаковала немцев в районе Кцыни, прорвала фронт и начала продвигаться в направлении Брянска. После завершения Брянской наступательной операции 96-я стрелковая дивизия почти без всякой паузы приступила к участию в Гомельско-Речицкой наступательной операции.

Во время этой операции в Белоруссии сержант Белаш командовал минометным расчетом тяжелого 120-мм полкового миномета. Это было мощное оружие поддержки пехоты. Советский 120-мм миномет был изобретен и поступил на вооружение еще до войны. Во время войны дважды модернизирован. Расчеты его перевозили на лошадях, потом на «студебеккере». Это было полковое оружие. Пудовая мина прицельно летала на дальность до 5700 метров. Расчет шесть человек. При предельно допустимом темпе стрельбы 15 выстрелов в минуту полковой миномет, как вспоминают фронтовики-минометчики, перебрасывал на немецкие позиции гораздо больше железа, чем установка «катюши». БМ-13 требовала много времени на зарядку. А 120-мм миномет мог вести огонь непрерывно, пока не перегревалась «труба». Расчеты разными способами и довольно быстро остужали «трубу» и вели огонь дальше.

Вот такой бандурой и командовал сержант Белаш.

Осколочно-фугасная мина разрушала окопы и блиндажи, деревянно-земляные и бетонные сооружения, уничтожала огневые позиции артиллерии, пулеметные точки и ПТО. Были случаи, когда плотный огонь полковых минометов срывал атаку немецких танков, самоходок и штурмовых орудий. В умелых руках, да при хорошем подвозе, 120-мм миномет был грозным оружием.

В 1943 году в каждом стрелковом полку по штату была 21 единица 120-мм минометов. Основная задача — поддержка пехоты. Особенно во время наступления,

когда танки и стрелковые части прорывали оборону противника и стремительно уходили вперед. В этих обстоятельствах тяжелая артиллерия запаздывала с выдвижением, попадала в пробки на дорогах, на новых позициях быстро расходовала ограниченный запас снарядов, который имела с собой, и долго ждала подвоза. Минометчики же двигались и действовали вместе с пехотой. А порой и буквально — в окопах первой линии, с винтовкой и гранатами в руках.

Дивизия, в которой воевал расчет сержанта Белаша, особенно отличилась во время проведения Гомельско-Речицкой операции 10 ноября — 30 ноября 1943 года. Прорыв намечался в участке фронта близ деревни Хальч. Из приказа на атаку: «323-я, 260-я, 96-я дивизии, составляющие первый эшелон, и 197-я, 217-я и 273-я стрелковые дивизии, составляющие второй эшелон, сосредотачиваются в узкой полосе между деревней Радуга и Кирпичным заводом. Поддержка оказывается частями 22-й артиллерийской дивизии и другими частями усиления. 96-я стрелковая дивизия — утром 12 ноября с истребительно-противотанковым артиллерийским полком (ИПТАП) атаковать высоту 141,1, прорвать вражескую оборону, занять деревню Хальч и, продолжая наступление в направлении поселка Новая Жизнь, к вечеру того же дня выйти на рубеж Каничев — Остров.

331-й стрелковый полк Абрамова (96-я стрелковая дивизия) наносит удар по деревне Хальч с юго-запада.

350-й стрелковый полк (96-я стрелковая дивизия) наносит удар по деревне Хальч с юго-востока.

338-й стрелковый полк Балашова (96-я стрелковая дивизия) — во втором эшелоне.

Ударом севернее Гомеля полки 96-й дивизии прорвали немецкую оборону, форсировали Сож.

Из донесения штаба 11-й армии 10 ноября 1943 года:

<...>
4. Противник занимал оборону на заранее подготовленных рубежах, что проходя по высоте 144,1, между Старым Селом и Хальч. Первая линия обороны пр-ка проходила сплошными траншеями по восточным скатам выс. 144,1 и была насыщена большим количеством ручных и станковых пулеметов, на зап. скатах выс. 144,1 были расположены арт. и мин. батареи, большое количество ДЗОТов и отдельных огневых очагов в районе с. Хальч.

5. Плацдарм наших войск был на правом берегу р. Сож между Старым Селом и Хальч с севера на юг 1,5 км и с востока на зап. 500 м., где занимала оборону пехота 96 СД, с задачей: удерживать плацдарм до подхода подкрепления».

Двенадцатого ноября подразделения первого эшелона 96-й стрелковой дивизии при поддержке полковой артиллерии и минометов ворвались в населенный пункт Хальч, но при этом понесли большие потери и остановились. Дальнейшее продвижение из-за сильного огня противника стало невозможным.

Тем временем правее вперед пошла 217-я стрелковая дивизия и 2-я отдельная штрафная рота лейтенанта П.И. Завьялова. Штрафники ворвались в немецкую траншею, сошлись в рукопашную. При этом командир штрафной роты лейтенант Завьялов был убит.

Пятнадцатого ноября подошел танковый полк. После артподготовки, в которой участвовали и 120-мм минометы, танки и пехоты 96-й и 260-й стрелковых дивизий пошли вперед. Были заняты Старое Село и ключевая высота 144,1. Боясь охвата, немцы в этот день оставили Хальч.

Обстановка на 16 ноября: «...противник обошел и занял заранее подготовленный оборонительный рубеж, который проходил по восточным скатам Безымянной высоты, что восточнее дороги Калиновка—Хальч. Передний край пр-ка про-

ходит сплошными траншеями, насыщен отдельными ДЗОТами и очагами ручных пулеметов, станковых, минометами и ходами сообщения в с. Калиновка. Артиллерия пр-ка главным образом расположена на окраинах с. Калиновка, Буденовский, Станки, выс. 144,9 и в районе Хуторов».

Бои на плацдарме день ото дня становились все упорней и кровопролитней. Только к 25 ноября войска 11-й армии подошли к Гомелю, охватывая город с трех сторон. Атаку стрелковых полков поддерживала штурмовая и бомбардировочная авиация и танки. Первыми в Гомель ворвались 96-я и 217-я стрелковые дивизии. Их ударные части захватили железнодорожную станцию, заводские кварталы и площадь у дворца и сада Паскевича. Бой шел всю ночь, к утру город был очищен от немцев.

Свою первую медаль «За отвагу» сержант Белаш получил во время боев на плацдарме, когда его 338-й стрелковый полк медленно продвигался к северо-западной окраине Гомеля. В те дни ствол его миномета не остывал.

4

Верно говорят: о мужчине, и как о человеке, и как о мужчине, надо судить по отношению к женщине. Чего только не намесили некоторые воевавшие о женщине на войне! И такая-сякая... И если санинструктор роты, то, значит, — на всю роту...

А вот — Юрий Белаш:

Ах, не одного приворожили
эти невозможные глаза —
трепетные, синие, большие,
как на древнерусских образах.

Словно в бочагах с водою внешней
небосвод качнулся — и затих...

Вот с таких, как ты,
земных и грешных,
и писались облики святых.

(*«Люба, госпитальная сестра»*).

Женщина была для него богиней. Но личная жизнь Юрия Белаша не сложилась.

5

Начиная с 1957 года, несколько лет руководил литературным объединением в Доме культуры МИИТа. В эти же годы работал в редакции журнала «Молодая гвардия». На жизнь зарабатывал внутренними рецензиями. Какое-то время работал в отделе критики журнала «Знамя».

Жизнь вел замкнутую. Одиночествовал. И этим весьма дорожил.

До того как пошли стихи, Юрий Белаш написал пьесу — драму «Фронтвики». Ее не принял ни один театр. Уже тогда театры становились полузакрытым местом для драматургов и писателей. Вячеслав Кондратьев, негодя по поводу того, что режиссеры «не разглядели» пьесу, писал, что в драме «Фронтвики» «кроме напряженного и драматичного сюжета имеются прекрасно и выпукло выписанные образы...», «драма Белаша потребовала бы серьезной и новаторской работы, которая оказалась не под силу нынешним режиссерам...», «я уверен, придет время и для этого произведения, потому что такой поистине военной пьесы еще не было на подмостках наших театров». К сожалению, и время прошло немалое, и времена изменились, но режиссеры за пьесу Юрия Белаша так и не взялись.

«Перечитывая Ю. Белаша, — а я делала это часто, — невольно ловишь себя на некой зависти к поэту, — писал Вячеслав Кондратьев в предисловии к посмертной книге «Окопные стихи». — Ведь то, для чего прозаику нужна не одна книга, поэту удалось сконцентрировать в тоненькой книжечке и рассказать в ней почти всё о войне. Но чего это стоило поэту, по-настоящему знал, наверное, только он один. Мы, его друзья, можем только предполагать, припоминая постоянную сосредоточенность этого человека, порвавшего много связей с прошлыми друзьями и знакомыми, называвшего свою квартиру на Ломоносовке «моим блиндажом», в которой он без помех мог отдать себя одной страсти — поэзии. У Юры есть одно стихотворение:

Нет, я иду совсем не по Таганке —
иду по огневому рубежу.
Я — как солдат с винтовкой против танка:
погибну, но его не задержу.
И над моим разрушенным окопом,
меня уже нисколько не страшась,
танк прогрохочет бешеным галопом
и вдавит труп мой гусеницей в грязь.
И гул его, и выстрелы неслышно
заглохнут вскоре где-то вдалеке...
Ну что же, встретим, если так уж вышло,
и танк с одной винтовкою в руке.

В этом стихотворении вроде бы реальная картина, но, зная, что написано оно в ту пору, когда поэта не печатали, когда вообще было совершенно неизвестно, а будут ли когда-либо такие стихи опубликованы, есть в этом стихотворении не только непоколебимость солдата, но и непоколебимость поэта продолжать начатое, встретить все жизненные препятствия, если уж так вышло, с одной книжкой стихов в руке, книжкой, в которой нет ни грана лжи, а там будь что будет, напечатать или не напечатать, но нравственная сверхзадача поэта выполнена».

Все так. Солдат живет и действует по уставу. Поэт — тоже. Для него, поэта, устав тоже написан кровью. Кровью и страданиями предшественников — Пушкина, Лермонтова, Блока, Есенина.

Пьесу «Фронтовки» опубликовал журнал «Театр» в 1985 году, в юбилейный год 40-летия Победы. В надежде, что найдется режиссер и для военной темы, и для «прекрасно и выпукло выписанных образов» драмы. Не нашелся. Военные драмы вообще постепенно сошли с подмостков наших театров. Старые режиссеры и актеры ушли, а новое поколение и ставить, и играть войну на сцене не умеют. Та же проблема и в кино. Но это уже другая тема.

Стихи у Белаша появлялись порой ни на что не похожими. Так писалось. И дело не в отсутствии рифмы. Например, такое:

Когда ты убиваешь врага в бою, ты не можешь быть уверен,
что убьешь его, а не он тебя и потому ты не чувствуешь
себя убийцей... Но почему ты не радуешься, когда после боя
приходится подчас расстреливать безоружного врага,
хотя ты хорошо понимаешь, что в бою он мог убить тебя?..

Вопреки распространенному мнению, что стихи невозможно пересказать, стихи Юрия Белаша пересказать можно. Они сюжетны. А сюжет запоминается легко. Но когда все же точно следуешь написанному автором, словно спрыгиваешь к нему в окоп, и тогда совершенно не замечаешь неточность, приблизительность рифм. А окопные миниатюры легко запоминаются.

Осень.

Снова лес меняет обмундирование.

А я все жив.

Странно!..

Женщина с ребенком храбрее мужчины с винтовкой.

Время в бою измеряешь не по часам —

Ударами сердца.

Отступление:

горят деревни, деревья, хлеба,

горят ноги в ботинках,

горит душа...

Убить врага и снять с него оружие —
обычай столь же древний, как война.

Выходит раненый из боя

и смеется —

как чокнутый:

доволен, что остался жив.

После бомбежки —

в окопе,

тонко звеня,

осыпался песок.

Взять последнюю миниатюру, или миниатюру об отступлении: это что — четверостишия? С точки зрения стихосложения — нет. С точки зрения солдата — вполне.

Войну 96-я Гомельская стрелковая дивизия закончила в Восточной Пруссии.

Из наградного листа сержанта Белаша Ю.С., 1920 года рождения, русского, кандидата в члены ВКП/б/ с 1943 года: *«Во время боев 25.06.44. — 14.07.44., находясь в боевых порядках пехоты, оказывал существенную помощь командирам подразделений в эвакуации раненых, доставке пищи и боеприпасов на передний край, оформлении наградного материала. 30.06.44. в бою под г. Осиповичи по ликвидации немецкой группировки уничтожил 5 гитлеровцев и 3-х унтер-офицеров взял в плен.*

Достоин правит. награды Ордена «Красная Звезда».

Командир полка подполковник Костеницын.

29 июля 1944 г.»

Шло наступление в Белоруссии — стратегическая операция «Багратион». Это был мощнейший удар, в ходе которого войска наших фронтов буквально разорвали, разметали по белорусским лесам и болотам группу армий «Центр», а потом добивали изолированно большие и малые «котлы».

Юрий Белаш в это время занимался партийной работой. Но, как видно из наградного листа, частенько брал в руки автомат и воевал в окопах первого эшелона.

Умирал Юрий Семенович тяжело. Рак. Когда уже лежал, диктовал сотруднице Государственного Литературного музея Елене Волковой то, что вспоминалось. Когда и вспоминать устал, понимая, что конец неизбежен и скор, чтобы сократить мучения, отказался от пищи, повернулся к стене и умер.

Удивительное дело... Никто из писателей, прозаиков или поэтов, драматургов и публицистов не выразил философию, сердцевинную суть войны так, как удалось это Юрию Белашу в стихотворении «Размышление о рукопашном бое, органной музыке и войне в целом». Даже само название уводит к некоему трактату, даже не намекая на поэзию.

Вы когда-нибудь видели, как дерутся пьяные?

Отвратительное зрелище, не правда ли?..

Так вот,

рукопашный бой — куда отвратительней.

Вы когда-нибудь слушали органную музыку?

Величественно, не правда ли?

Так вот,

рукопашный бой — величественней.

И это совмещение несовместимого

погубит войну,

потому что человечеству, в конце концов,

осточертеют пьяные драки под органную музыку.

(«Совмещение несовместимого...»)

А ведь на фронте каждый солдат, от рядового красноармейца до маршала, имел в душе свой мир, а стало быть, каждый мир совмещал в себе несовместимое. Сколь-ко миров взорвалось в этой противоестественной попытке. Взорвалось, умерло. Их оболочки просто не выдержали внутренней концентрации, того давления, которое неизбежно возникало при попытке «совмещения несовместимого».

Глава закончена. Но в висках, как затвор, продолжает клацать, пульсировать строка: «В патронник заgonю патрон...»

НЕУДАЧНЫЙ БОЙ

Мы идем и молчим.

Ни о чем говорить не хочется.

И о чем говорить, если мы четверть часа назад положили у той артогнем перепаханной рожицы половину ребят — и каких, доложу вам, ребят!

Кто уж там виноват —

разберутся начальники сами,

наше дело мы сделали:

сказано было «вперед» —

мы вперед.

А как шли!

Это надобно видеть своими глазами,

как пехота, царица полей, в наступленье в охотку идет...

Трижды мы выходили на ближний рубеж для атаки.

Трижды мы поднимались с раскатистым криком «ура».

Но бросала на землю разорванной цепи остатки

Возле самых траншей пулеметным огнем немчура.

И на мокром лугу, там и сям, бугорочками серыми

Оставались лежать в посеченных шинелях тела...

Кто-то где-то ошибся.
Что-то где-то не сделали.
А пехота все эти ошибки
оплачивай кровью сполна.

Мы идем и молчим...

ГЛАЗА

Если мертвому сразу глаза не закроешь,
То потом уже их не закрыть никогда.
И с глазами открытыми так и зароешь,
В плащ-палатку пробитую труп закатав.

И хотя никакой нет вины за тобою,
Ты почувствуешь вдруг, от него уходя,
Будто он с укоризной и тихой болью
Сквозь могильную землю глядит на тебя.

СУДЬБА

Он мне сказал:

— Пойду-ка погляжу,

Когда ж большак саперы разминируют...

— Лежи, — ответил я, — не шебуршись.

И без тебя саперы обойдутся...

— Нет, я схожу, — сказал он, — погляжу.

И он погиб: накрыло артогнем.

А не пошел бы — и остался жив.

Я говорю:

— Пойду-ка погляжу,

Когда ж большак саперы разминируют...

— Лежи, — ответил он, — не шебуршись.

И без тебя саперы обойдутся...

— Нет, я схожу, — сказал я, — погляжу.

И он погиб: накрыло артогнем.

А вот пошел бы — и остался жив.

ОН

Он на спине лежал, раскинув руки,
в примятой ржи, у самого села, —
и струйка крови, черная, как уголь,
сквозь губы неподвижные текла.

И солнце, словно рана пулевая,
облило свежей кровью облака...

Как первую любовь,

не забываю

и первого

убитого

врага.

ПЕХОТУ ОБУЧАЛИ УБИВАТЬ

Пехоту обучали воевать.
Пехоту обучали убивать.

Огнем. Из трехлинейки, на бегу,
Все пять патронов — по знакомой цели,
По лютому, заклятому врагу
В серо-зеленой, под ремень, шинели.

Гранатою. Немного задержав,
К броску уже готовую гранату,
Чтоб, близко у ноги врага упав,
Сработал медно-желтый детонатор.

Штыком. Одним движением руки.
Неглубоко, на полштыка, не дале.
А то, бывали случаи, штыки
В костях, как в древесине, застревали.

Прикладом. Размахнувшись от плеча,
Затыльником в плечо или ключицу.
И бей наверняка, не горячась,
Промажешь — за тебя не поручиться.

Саперною лопаткою. Под каску.
Не в каску — чуть пониже, по виску,
Чтоб кожаная лопнула завязка
И каска покатила по песку.

Армейскими ботинками. В колено.
А скрючится от боли — по лицу.
В крови чтобы горячей и соленой
Навеки захлебнуться подлецу.

И, наконец, — лишь голыми руками.
Подсечкою на землю положи
И, скрежеща от ярости зубами,
Вот этими руками задуши.

С врагом необходимо воевать.
Врага необходимо убивать.

БИБЛИОГРАФИЯ

Окопная земля. — М.: Советская Россия, 1985.

Оглохшая пехота. — М.: 1981.

Фронтовики. Пьеса. — М.: Журнал «Театр», 1985, № 8.

Подборка стихотворений в журнале «Знамя». № 2, 1986.

Окопные стихи. (Предисловие Вячеслава Кондратьева). — М.: Советский писатель, 1990.

Антология русского лиризма. XX век. — М.: ООО «ФЭРИ-В», 2000.

Орден Красной Звезды.
Две медали «За отвагу».
Медаль «За оборону Москвы».
Медаль «За взятие Кенигсберга».
Медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»

Глава девятая

КОНСТАНТИН ВОРОБЬЕВ

«ЛЮБОВЬ И ПРЕДАННОСТЬ РУССКОГО ЧЕЛОВЕКА
ЗЕМЛЕ СВОЕЙ...»

Когда говорят о «лейтенантской прозе» и называют имена, то в первой тройке всегда, при всех вариантах называют имя Константина Воробьева. Хотя самые тяжелые бои, подмосковные, осени 1941-го, он прошел курсантом, офицерское звание получил позже, в бою, потом был плен, лагеря, побег, партизанский отряд, Шяуляйское подполье, где написал свою первую повесть...

1

Константин Дмитриевич Воробьев — курянин. Родился 24 сентября 1919 года в селе Нижний Реутец Медвенского района Курской области в многодетной крестьянской семье. Кроме Константина, в семье было пять девочек и еще один мальчик — всего семеро по лавкам. Отца своего Воробьев не знал. Рос под крылом отчима. Впоследствии вспоминал его «с чувством любви и благодарности за то, что тот никогда не упрекнул его куском хлеба, никогда не тронул, как говорится, и пальцем». И все же детство было нелегким, лишенным многих радостей, которые выпадают человеку на эти безмятежные годы. Сам писатель вспоминал: «Мне всегда хотелось есть, потому что никогда не приходилось наесться досыта — семья большая, жизнь была трудной, и я не был способен попросить, чувствуя себя лишним ртом, чудакom».

Откуда это чувство одиночества? Была в рождении Константина некая тайна. Один из биографов пишет: «В деревне его считали сыном белого офицера». Другие говорили, что отец — австрийский офицер. Отчим, еще в первую германскую попавший в плен, по возвращении усыновил его и воспитывал как родного.

Характер унаследовал от матери — резкий, взрывной, беспокойный, не терпящий даже малейших проявлений несправедливости и грубой власти над собой.

В начале тридцатых отчима арестовали. Он работал в сельмаге, и у него выявили недостачу. Тогда это было строго, каралось тюрьмой. Чтобы хоть как-то поддержать семью, Константин пошел работать грузчиком в магазин. Плату получал натурой — хлебом. Так и выжили в тот голодный 1933 год.

Окончил семь классов сельской школы и поступил в Мичуринский сельскохозяйственный техникум. Но учеба не понравилась, да и деньги на проживание были нужны. Окончил курсы киномехаников. В те годы киномеханик на селе был человеком уважаемым. После председателя и конюха, может быть, третьим. Полгода ездил с кинопередвижкой по округе.

Страсть к слову закипела еще в школе, с четырнадцати лет публиковал в районной газете стихи и очерки. В 1935 году его, как проявившего себя селькора, зачислили литературным консультантом в редакцию районки. Но вскоре уволили — «за преклонение перед царской армией». В это время Воробьев опубликовал в рай-

Константин Воробьев

онной газете стихотворение «На смерть Кирова». Время было непростое, и все, связанное с этой загадочной смертью, внимательно прочитывалось и анализировалось *где надо*. Вдобавок ко всему у Воробьева обнаружили дореволюционное издание книги о войне 1812 года. В райкоме партии с Воробьевым побеседовали, увлечение историей Отечественной войны 1812 года и русской армией того времени трактовали как нездоровый интерес к «царским генералам». Исключили из комсомола и уволили из редакции районной газеты.

Рано Константин Воробьев понял, как дорого стоят слово, убеждения, правда.

Поехал к старшей сестре в Москву. Там устроился ответственным секретарем в редакции фабричной многоотиражки. Окончил

вечернюю школу и получил среднее образование.

Осенью 1938 года призвали в Красную Армию. Служил в Западной Белоруссии. Последний год работал в редакции армейской газеты. Потом, после демобилизации, вернулся в Москву и работал в редакции газеты Военной академии им. М.В. Фрунзе. Армия, военная служба ему нравилась. В редакции тоже видели это, и вскоре Воробьев получил направление в военное училище им. Верховного Совета РСФСР. Это было элитное учебное заведение общевойскового профиля. Готовило командиров и политработников для РККА. По всем параметрам в кремлевцы он вполне подходил: пролетарское происхождение, средняя школа, отслужил действительную, начитанный, стремится к дальнейшему образованию, и гвардейский рост — 183 см.

А дальше был октябрь 1941 года и: «Учебная рота кремлевских курсантов шла на фронт...» (Из повести «Убиты под Москвой».)

2

Все московские училища были подняты по тревоге в первых числах октября. 6 октября начальник Краснознаменного военно-пехотного училища им. Верховного Совета РСФСР полковник Семен Иванович Младенцев зачитал приказ командующего войсками Московского военного округа: в связи с тяжелым положением на фронте и угрозой прорыва немецких войск к Москве училище переформируется в отдельный курсантский полк.

Были сформированы четыре батальона, всего десять рот общей численностью 1579 человек. 1-й батальон, в который вошли курсанты младших курсов, направлялся на строительство оборонительных сооружений западнее Солнечногорска. 2-й, 3-й и 4-й — старшекурсники — в распоряжение начальника Волоколамского укрепрайона.

В тот же день отдельный курсантский полк кремлевцев походными колоннами двинулся по дорогам на Клин и Ярополец. Совершив восьмидесятипятикилометровый форсированный марш, батальоны подошли к Ярополцу и заняли участок обороны по восточному берегу реки Ламы протяженностью 24 километра от населенного пункта Тарутино до Бородино. Полк влился в 16-ю армию генерала К.К. Рокоссовского. Из фронтового резерва на участок полковника Младенцева прибыл гаубичный дивизион курсантов артиллерийского училища им. Л.Б. Кра-

сина, пулеметный батальон и огнеметная рота, саперные подразделения курсантов Военно-инженерного училища, другие части. Вскоре в район Тимошино-Волоколамск прибыла 316-я стрелковая дивизия генерала И.В. Панфилова, и Отдельный полк кремлевцев был подчинен ей.

Курсант Воробьев и его товарищи из 10-й роты занимали оборону в районе села Лотошино. Первый бой рота приняла 12 октября. На оборону курсантов двинулись три танка и семь бронетранспортеров при поддержке пехоты. 10-й ротой командовал старший лейтенант В.М. Пищенко. Константин Воробьев писал с него капитана Рюмина. В том первом боестолкновении курсанты уничтожили два танка и четыре бронетранспортера. Немцы отступили. Но наутро снова атаковали позиции 10-й роты. На этот раз они бросили в бой шесть танков и десять бронетранспортеров, роту пехоты. Пехоту курсанты быстро отсекли огнем стрелкового оружия. Танки продолжали идти. И когда они вплотную приблизились к линии окопов, курсанты начали забрасывать их гранатами и бутылками с горючей смесью. Танки начали вспыхивать один за другим. Минометным огнем немцы пытались отсечь свою залегшую пехоту от курсантов и вывести ее из боя. Но старший лейтенант Пищенко подал команду примкнуть штыки и поднял роту в атаку. Немцы бежали.

В повести «Убиты под Москвой» о той атаке 10-й роты бывший курсант рассказывал так:

«Взвод вонзился в село, как вилы в копну сена, и с этого момента Алексей утратил всяческую власть над курсантами. Не зная еще, что слепым ночным боем управляет инстинкт дерущихся, а не командиры, очутившись в узком дворе, заставленном двумя ревущими грузовиками, он с тем же чувством, которое владело им вчера при расстреле броневиков, выпалил по одному разу в каждый и неизвестно кому приказал истошным голосом:

— Бутылками их! Бутылками!

<...>

Он побежал на улицу мимо амбара и длинного крытого грузовика, похожего на автобус. Грузовик неохотно разгорался в клубах черного грузного дыма, и оттуда, как из густых зарослей, навстречу Алексею выпрыгнул немец в расстегнутом мундире. Наклонившись к земле, он оглядывался на улицу, когда Алексей выстрелил. Немец ударился головой в живот Алексея, клеточно охнул, и его автомат зарокотал где-то у них в ногах. Алексей ощутил, как его частыми и несильными рывками потянуло книзу за полы шинели. Он приник к немцу, обхватив его руками за узкие костлявые плечи. Он знал многие приемы рукопашной борьбы, которыми обучали его в училище, но ни об одном из них сейчас не вспомнил. Перехваченный руками пистолет плашмя прилегал к спине немца, и стрелять Алексей не мог — для этого нужно было разжать руки. Немец тоже не стрелял больше и не пробовал освободиться. Он как-то доверчиво сник и отяжелел и вдруг замычал и почти переломился в талии. Терпкий уксусный запах рвоты волной ударил Алексея в лицо. Догадавшись, что немец смертельно ранен им, Алексей разжал руки и отпрянул в сторону. Немец не упал, а как-то охоче рухнул бесформенной серой кучкой, упрятав под себя ноги».

А у села Лотошино события развивались так. После того как курсанты старшего лейтенанта Пищенко отогнали немцев от своих позиций, те затихли на несколько дней. Проводили перегруппировку, подтягивали резервы. Следующая атака была более мощной. Удары наносились почти по всей линии обороны Отдельного курсантского полка. Но и на этот раз все атаки противника были отбиты и проведена контратака, в результате которой 2-й батальон капитана В.Я. Лободина ворвался в Лотошино, в короткой схватке истребил его гарнизон и захватил пленных.

Тогда немцы навели свои артиллерийские и стрелковые полки дивизии Панфилова. Батальон капитана Лободина понес большие потери и отошел. Ночью отошедшие роты перегруппировались и скрытно окружили рошу, где закрепились немцы, и атаковали их. Немцы бросили позиции и отступили. 2-й батальон и стрелковый полк вновь сомкнули фланги обороны.

Почти каждый день следовали атака за атакой. Курсанты полковника Младенцева держались. К вечеру 27 октября немцы прорвали оборону соседей и вышли на окраины Волоколамска. Но контратакой кавалерийской дивизии генерала И.А. Плиева прорыв был ликвидирован. Тогда немцы снова ударили по обороне кремлевцев. Шесть раз бросались они в атаку и каждый раз с потерями откатывались назад. 28 октября, собрав мощную ударную группу, усиленную танками и бронетехникой, немцы продавили оборону соседней стрелковой дивизии и начали обтекать фланги курсантского полка. Полк прикрывал участок Волоколамского шоссе. Отдавать его было нельзя. И тогда, под угрозой полного охвата, полковник Младенцев приказал батальонам загнать фланги и занять круговую оборону. 29 октября поступил приказ командарма Рокоссовского: полк до конца выполнил свою задачу, во избежание полного охвата отойти на рубеж Харланиха 1—Утишево—Ремягино.

13 ноября пришел приказ о присвоении курсантам выпускных курсов воинских званий «лейтенант».

На следующий день 16-я армия, выполняя приказ штаба Западного фронта, перешла в наступление с целью сорвать очередной удар противника на Москву. В наступлении принял участие 2-й усиленный курсантский батальон Отдельного полка. В бой курсанты пошли с лейтенантскими кубарями в петлицах. В ходе наступления курсантские роты несколько раз сходились с противником в ближнем бою, дело доходило до штыков и прикладов. Курсанты (лейтенанты) оказались в полосе наступления частей 3-й танковой группы ГА «Центр». Под давлением превосходящих сил противника они организованно отходили. 24 ноября бои на линии Мостки—Зеленино—Матвейково. 28 ноября — севернее озера Сенеж. В конце ноября отошли к каналу Москва—Волга.

В ходе каждого боя Отдельного полка с немецкими танками и пехотой росли потери убитыми, ранеными и пропавшими без вести. Некоторые биографы писателя пишут о том, что в плен Константин Воробьев попал после контузии в декабре 1941 года. Только с 17 по 19 ноября за три дня непрерывных боев полк потерял 225 человек убитыми и пропавшими без вести. Последний бой приняли возле села Каменка в двадцати километрах от Солнечногорска. Это произошло 1 декабря. Полк стоял как вкопанный. Правый фланг его был открытым, войск там не было, соседи слева отошли. Остатки — 400 человек — вырвались из окружения с боем и вновь соединились с частями 16-й армии. «В развороченном взрывом окопе на месте последнего боя курсантского полка немецкие пехотинцы нашли контуженного, но живого русского офицера. Это был лейтенант 10-й роты Константин Воробьев», — так пишет один из исследователей творчества писателя, слегка беллетризируя фрагмент биографии своего героя. Фрагмент, который перевернет всю жизнь двадцатидвухлетнего человека. По всей вероятности, так оно и было: «В развороченном окопе...»

Контр наступление под Москвой началось 5 декабря, а на следующий день, 6-го числа, по приказу Верховного Главнокомандующего Отдельный курсантский полк кремлевцев был передан во фронтовой резерв и расформирован. Все, получившие лейтенантские звания, направлялись на фронт, а офицеры из числа преподавательского состава и 158 курсантов младших курсов (1-й батальон) возвращены для дальнейшего прохождения курса подготовки общевоинских командиров.

За два месяца боев в составе 16-й армии Отдельный полк уничтожил около

500 немецких солдат и офицеров, 3 артиллерийских батареи, 8 минометных батарей, 20 танков различных типов, 7 бронемашин, захватили 8 пушек, 12 минометов, 20 автомашин.

Танки... Что значит, подбить, сжечь, уничтожить танк. Обычно это было коллективной работой.

«Убиты под Москвой»: «...танк достиг опушки и шел теперь вдоль нее к Алексею, поводя из стороны в сторону коротким хоботом орудия. Но он был еще сравнительно далеко, а второй елозил уже между скирдами, и из крайнего, где спрятались курсанты, нехотя выбивался, повисая над землей, сырой желтый дым. Почти равнодушно Алексей отвел от него глаза и встал лицом к приближающемуся танку, затем не спеша вынул рюминский пистолет и зачем-то положил его на край могилы, у своего правого локтя. Наклоняясь за бутылкой, он увидел испачканные глиной голенища сапог и колени и сперва почистил их, а потом уже выпрямился. До танка оставалось несколько метров, — Алексей хорошо различал теперь крутой скос его стального лба, ручьями лившиеся отполированные траки гусениц и, снова болезненно-остро ощутив присутствие тут своего детства, забыв все слова, нажитые без деда Матвея, он никому неслышно крикнул:

— Я тебе, матери твоей черт! Я тебя зараз...

Он не забыл смочить бензином и поджечь паклю и швырнул бутылку. Визжащим комком голубого пламени она перелетела через башню танка, и, поняв, что он промахнулся, Алексей нырнул на дно могилы. Он падал, налету обнимая голову руками, успев краем глаз схватить зубчатый столб голубого огня и лаково-смоляного дыма, взметнувшегося за куполом башни.

— Ага, матери своей черт! Ага!..

Он успел это крикнуть и плашмя упасть в угол могилы, где лежали шинели, и успел вспомнить, что то место в танке, куда он попал бутылкой, называется репицей...»

Вязкая, с долгим вдохом и выдохом фраза. Череда образов. Четкий психологический рисунок, подчеркивающий выпукло-отчетливую реальность происходящего. Пожалуй, только многовато деепричастных оборотов, но они уплотняют события и потому нужны.

Отдельный полк Краснознаменного военно-пехотного училища им. Верховного Совета РСФСР за время подмосковных боев на волоколамско-клинском направлении потерял 720 человек курсантов, офицеров и преподавателей. В списке потерь оказался и лейтенант Воробьев. И в те дни, когда уцелевшие лейтенанты перешивали на шинелях и гимнастерках петлицы, меняя курсантские на офицерские, а младшие курсы шли к своему училищу, Воробьева в колонне военнопленных конвоиры гнали на запад в сторону Ржева.

Командир роты капитан Рюмин в повести «Убиты под Москвой» погибает. Реальный же его прототип старший лейтенант Владимир Михайлович Пищенко вернулся в училище живым. С училищем он вскоре распрощается, уйдет на фронт. Победу встретит в Кенигсберге командиром 46-го гвардейского полка в звании гвардии подполковника. Грудь в орденах! И самым дорогим для него был орден Красной Звезды — за подмосковные бои.

Но так повезло не всем.

Начались скитания Константина Воробьева по немецким концлагерям. Вначале был лагерь в Клину.

Из повести «Это мы, Господи»: «...Клинский стекольный завод был разрушен полностью. Следы недавнего взрыва, как бы кровотока, тихо струили чад угасше-

го пожара. В порванных балках этажных перекрестий четко застреляло гулкое эхо шагов идущих в ногу немцев. Один из них нес автомат в руке, у другого он просто болтался на животе.

— Хальт! — простуженным голосом прохрипел немец.

Сергей остановился у большого разбитого окна, выходящего в город. В окно он видел, как на площади, у памятника Ленину, прыгали немецкие солдаты, пытаются согреться. На протянутой руке Ильича раскачивалось большое ведро со стекаемой из него какой-то жидкостью.

Конвоирам Сергея никак не удавалось прикурить. Сквозняк моментально срывал пучок желтого пламени с зажигалки, скрюченные от ноябрьского мороза пальцы отказывались служить.

— Комт, менш! (Идем, человек!)

Пройдя несколько разрушенных цехов, Сергей очутился перед мрачным спуском в котельную.

«Вот они где хотят меня...» — подумал он и, вобрав голову в плечи, начал спускаться по лестнице, зачем-то мысленно считая ступеньки.

Обозленными осенними мухами кружились в голове мысли. Одна другой не давали засиживаться, толкались, смешивались, исчезали и моментально роились вновь.

«Я буду лежать мертвый, а они прикурят... А где политрук Гриша?.. Целых шесть годов не видел мать!.. Это одиннадцатая? Нет, тринадцатая... Если переступлю — жив...»

— Нах линкс! (Налево!)

Сергей завернул за выступ огромной печи. Откуда-то из глубины крошечной тьмы слышались голоса, стоны, ругань.

«Наши?» — удивился Сергей. И сейчас же поймал себя на мысли, что он обрадован, как мальчишка, не тем, что услышал родную речь, а потому, что уже знал: остался жив, что сегодня его не застрелят эти два немца...

Привыкнув, глаза различили груды тел на цементном полу. Места было много, но холод жал людей в кучу, и каждый стремился залезть в середину. Только тяжелораненые поодиночке лежали в разных местах котельной, бесформенными бургорками высыя в полутьме.

— Гра-а-ждане-е-е! Ми-и-лаи-и... не дайте-е по-мере-е-еть!.. О-о-й, о-о-ох, а-а-ай! — тягуче жаловался кто-то голосом, полным смертельной тоски.

— Това-а-ариши-и! О-ох, дороги-ия-а... один глоточек воды-и... хоть ка-а-пельку-у... роди-и-имаи-и!»

Вскоре немцев из Клина погнали на запад. Конвой стал еще злее и нетерпимей, вымещая свою злобу за неудачи на фронте на них, людях, одетых в рваные шинели с петлицами РККА.

Из повести «Это мы, Господи»: «Шли обозленные на бездорожье, на русскую зиму, на советские самолеты, штурмующие запруженные дороги. А злоба вымещалась на голодных, больных, измученных людях... В эти дни немцы не били пленных. Только убивали!

Убивали за поднятый окурок на дороге.

Убивали, чтобы тут же стащить с мертвого шапку и валенки.

Убивали за голодное пошатывание в строю на этапе.

Убивали за стон от нестерпимой боли в ранах.

Убивали ради спортивного интереса, и стреляли не парами и пятерками, а большими этапными группами, целыми сотнями — из пулеметов и пистолетов-автоматов! Трудно было заблудиться немецкому солдату, возвращающемуся из окрестностей деревни на тракт с украденной курицей под мышкой. Путь отступления его однокашников обозначен страшными указателями. Стриженные головы, голые

ноги и руки лесом торчат из снега по сторонам дорог. Шли эти люди к месту пыток и мук — лагерям военнопленных, да не дошли, полегли на пути в мягкой постели родной страны — в снегу, и молчаливо и грозно шлют проклятия убийцам, высунув из-под снега руки, словно завещая мстить, мстить, мстить!..»

«Ржевский лагерь военнопленных разместился в обширных складах Заготзерна. Черные бараки маячат зловецим видением, одиноко высясь на окраине города. По открытому, ничем не защищенному месту гуляет-аукает холод, проносятся снежные декабрьские вихри, стоная и свистя в рядах колючей проволоки, что заключила шесть тысяч человек в страшные, смертельной хватки объятия. Все дни и ночи напролет шумит-волнуется людское марево, нижется в воздухе говор сотен охрипших, стонущих голосов. Десять гектаров площади лагеря единственным черным пятном выделяются на снежном просторе. Кем и когда проклято это место? Почему в этом строгом квадрате, обрамленном рядами колючки, в декабре еще нет снега?

Съеден с крошками земли холодный пух декабрьского снега. Высосана влага из ям и канавок на всем просторе этого проклятого квадрата! Терпеливо и молча ждут медленной, жестоко-неумолимой смерти от голода советские военнопленные...

...Лишь на седьмые сутки жизни в этом лагере Сергей получил шестьдесят граммов хлеба. У него хватило сил ровно столько, чтобы простоять пять часов в ожидании одной буханки в восемьсот граммов на двенадцать человек. Диким и жадным огнем загорелись дотоле равнодушно-покорные глаза человека при виде серенького кирпичика.

— Ххле-леб! — со стоном вырывается у него, и не было и нет во вселенной соковища, которое заменило бы ему в этот миг корку месяц тому назад испеченного гнилого хлеба!..»

«Вязьма. Партиями от десяти до двухсот человек каждый день гоняют немцы пленных на работы. На станцию железной дороги для выгрузки песка из вагонов всегда требовалось двести человек. Там от шести часов утра и до восьми вечера пленные не получали даже капли воды. Зато через день в железных бочках из-под красителей варилась для них крапива. Рвали ее сами же пленные в оврагах и буераках близ станций. Целыми охапками записывали ее в бочки, заливали водой и кипятили. Да не получишь ведь и этого больше установленной нормы! Согласно немецкому «закону», пленному полагалось 0.75 литра «варева»...

За городом, в дымке утренних паров, встало хохочущее до дрожи в лучах молодое весеннее солнце. Его появление каждый день встречали пленные, выстроившись по пяти. Становились по старшинству звания — майоры и равные им, капитаны и равные им — и, окруженные автоматчиками, уныло и молча шли на работу.

Вот уже третий день Сергей с партией в десять человек шел работать у зенитчиков. Располагались те в лесу, в пятнадцати верстах от города. Была там надежда получить граммов сто-двести хлеба и «великая возможность смыться», как говорил новый приятель Сергея капитан Николаев. На работе старались держаться вместе. Несет ли Сергей полено дров — Николаев шагает сзади, поддерживая конец дровины и поглядывая: авось отвернется конвоир...»

Судьба и мытарства Сергея, взятого в плен под Клином, — это, несомненно, крест самого автора, и он его пронес, несмотря ни на что, с достоинством, не уронив человеческого достоинства и офицерской чести. Судьба же посылала Воробьеву новые и новые испытания, искушая то коркой хлеба, то различными посулами.

Судьба жестоко поспешила над вчерашним курсантом: ему присвоили офицерское звание, а через три недели он попал в плен, так и не успев повоевать командиром хотя бы взвода. Когда в Вяземском ДУЛАГе-184 их строили у ворот в колонну по пять, строго по старшинству, то в одну из лейтенантских шеренг становился он, лейтенант Воробьев. Лейтенант, которому не привелось командовать взводом. Но он чувствовал себя лейтенантом, командиром Красной Армии и упорно становился в шеренгу, предназначенную судьбой. И еще он знал: надо в любых обстоятельствах оставаться человеком, ни в коем случае, даже на самом краю, не растерять человеческое, потому как только это, в конце концов, и может спасти.

«Вагоны, постукивая на стыках рельсов, лениво двинулись за паровозом и, лягнув буферами, притихли вновь. Крепко-накрепко затиснуты в петли дверей ржавые кляпы железных засовов. Все той же колючей проволокой завиты-опутаны окна, и задумай шальной воробей пролететь в окно — повиснет он, наколовшись на растопыренные рожки колючки.

Сорок семь тел распластались в вагоне. Лежать можно только на боку, тесно прижавшись к соседу. И все равно десять человек должны разместиться на ногах лежащих вдоль стенок людей. Душно и вонюче в вагоне. Тяжело дышат пленные пересохшими глотками. Вторые сутки стоит состав на станции, не двигаясь с места. Знают пленные, что это — смерть для всех! Съедены еще в лагере «дорожные продукты» — две пайки хлеба. Кто знает, куда везут их, сколько дней еще простоит поезд?..

Жесточкой дизентерией мучился Сергей. В желудке нет и грамма пищи. Еще три дня тому назад он перестал есть хлеб и баланду. За это время сэкономил три пайки хлеба, и вот теперь кричат они в раздувшемся кармане: «Съешь нас!» Нет сил отогнать эту мысль. Тянется невольно рука к карману с пайками, погружаются ногтистые пальцы в мякоть. «Корку лучше!» — мелькает мысль, одобряющая действие рук, и щиплют пальцы неподатливый закал корки, подносят украдкой от глаз ко рту. «Нельзя, подохнешь!» — шепчет кто-то другой, более твердый и властный, и пальцы виновато и бережно относят крошку хлеба назад в карман. И опять останавливаются на пути, благословляемые на преступление жалким, трусливым и назойливым шепотком: «Чего уж там, бери и ешь...»

<...>

На четвертый день пути пленных выгрузили в Смоленске. Большая часть командиров не могла двигаться. На станцию пришли автомашины и, нагрузившись полутрусами, помчались в лагерь. Из кузова грузовика Сергей глядел на безжалостно истерзанный город. Сожженные немецкими зажигательными бомбами дома зияли грустной пустотой оконных амбразур, и казалось, не было в городе хоть единственного не пострадавшего здания.

На окраине города жили пленные. Лагерь представлял собой огромный лабиринт, разделенный на секции густой сетью колючей проволоки. Это уже было образцово-показательное место убийства пленных. В самой середине лагеря, как символ немецкого порядка, раскачивалась виселица. Вначале она походила на букву «П» гигантских размеров. Но потребность в убийствах росла, и изобретательный в этих случаях фашистский мозг из городского гестапо вырубил попавших в затруднительное положение палачей из лагеря. К букве «П» решено было приделать букву «Г», отчего виселица преобразилась в перевернутую «Ш». Если на букве «П» можно было повесить в один прием четырех пленных, то новая буква вмещала уже восьмерых. Повешенные согласно приказу должны были провисеть одни сутки для всеобщего обозрения.

Секция командного состава лепилась в заднем углу лагеря. Состояла она из двух барakov и была строго изолирована от других. В Смоленском лагере пленные были

разбиты на категории: командиры, политсостав, евреи и красноармейцы. Была предусмотрена каждая мелочь, чтобы из одной секции кто-нибудь не перешел в другую. За баландой ходили отдельными секциями — под строгим наблюдением густой своры немцев».

«Каунасский лагерь «Г» был карантинным пересылочным пунктом. Не было поэтому в нем особых «благоустройств», свойственным стандартным лагерям. Но в нем были эсэсовцы, вооруженные... железными лопатами. Они уже стояли, выстроившись в ряд, устало опершись на свое «боевое оружие». Еще не успели закрыться ворота лагеря за изможденным майором Величко, как эсэсовцы с нечеловеческим гиканьем врезались в гущу пленных и начали убивать их. Брызгала кровь, шматками летела срубленная неправильным косым ударом лопаты кожа. Лагерь огласился рыком осатаневших убийц, стонами убиваемых, тяжелым топотом ног в страхе метавшихся людей. Умер на руках у Сергея капитан Николаев. Лопата глубоко вошла ему в голову, раздвоив череп».

Клин, Ржев, Вязьма, Смоленск, Каунас, Саласпилс...

Он мог умереть в любом их них.

В вяземском — уж точно. Здесь он заболел тифом. Полицейские охранники сняли с него офицерское обмундирование, шинель и раздетого донага бросили под нары. Они уже знали — завтра утром тело лейтенанта, околевшего на земляном полу, крюками вытащат из-под нар и на тележке отвезут в ров. Но и следующим утром он еще дышал и шевелился. Горячий пот заливал его. Еще через день — то же самое. До него плюнули. А спустя еще несколько суток лейтенант сам выполз из-под нар, встал и, волоча отказывавшую ногу, побрел в санчасть. Его никто не останавливал, думая, что вот-вот он упадет, что все равно не жилец. А он выжил. Добрался до санчасти. Русский доктор из числа военнопленных осмотрел его и начал лечить. Доктор понял, что лейтенант не из тех, кто так покорно и легко готов расстаться с жизнью и что ему можно помочь.

Возможно, помогло полуголодное детство. Научился довольствоваться тем, что посылала судьба, как ни была скудна лагерная пайка. Помогла внутренняя клятва: при любых обстоятельствах оставаться человеком. Помогала и не умирающая надежда на побег. Бежать, добраться до оружия и мстить за унижения и бесчеловечные издевательства, за попытку растоптать в нем человека.

В Вязьме в архиве краеведческого музея во время работы над книгой о генерале М.Г. Ефремове и 33-й армии, попавшей в окружение зимой 1942 года, наткнулся на такой документ:

АКТ

о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков в период временной оккупации г. Вязьмы

Июня 1944 г. (дата составления документа).

Комиссия в составе депутата Вяземского горсовета Ероховой Александры Николаевны, зав. военным отделом горкома ВКП/б/ тов. Голикова Д.И. и гражданки г. Вязьмы Сорокиной Анны Яковлевны, проживающей по ул. Маркса, д. № 78, составила настоящий акт на основании свидетельских показаний 157 жителей г. Вязьмы о зверствах немецко-фашистских захватчиков в период временной оккупации города.

Кровавые злодеяния в городе фашистские варвары творили ночью, опасаясь грозных свидетелей, стараясь скрыть свои преступления, творили тогда, когда люди под страхом смерти не имели права выхода даже во двор.

<...>

157 граждан присутствовали при вскрытии могил и рвов, обнаруженных на Кронштадской ул. в районе расположения лагеря военнопленных, на Фроловском и Еврейском кладбищах.

20 марта 1943 г. были вскрыты могилы у Еврейского кладбища. Трупы носили на себе следы зверских пыток: у многих выкручены руки и ноги, видны следы ожогов и ножевых ран, выколоты глаза, разбиты черепа. Трупы настолько обезображены, что из 3 тыс. открытых трупов удалось установить личность 19 человек.

<...>

Общее число убитых и замученных в г. Вязьме вместе с военнопленными превышает 30 тыс. человек».

Это притом, что значительная часть военнопленных расстреляна на пути в лагерь или за его пределами во время конвоирования на работы и назад. Их и закапывали там, где застала пуля, у дорог и в ближайших воронках, в канавах и рытвинах, в старых колеях на обочинах.

Местные хроники свидетельствуют: ежедневно в ДУЛАГе-184, расположенном на территории мясокомбината, погибало 200-300 военнопленных. Погибли практически все. Медикаменты не выделялись. Больным, раненым и обмороженным помогали медработники и санитары из числа военнопленных. Кроме «естественной» убыли по причине болезни и ран (наиболее распространенной была смерть вследствие гангрены), каждый день в лагере проводились плановые расстрелы — 30-40 человек. В пленных стреляли охранники ради потехи. С вышек — из пулеметов. С внешней стороны — через проволоку. Был случай, когда военнопленным бросали кусок хлеба, а потом стреляли в каждого, кто решался подбежать к куску. Однажды повар, которому что-то не понравилось в толпе, сгрудившейся за его баландой, бросил в толпу гранату. На территории концлагеря комиссия вскрыла сорок пять рвов, доверху набитых телами военнопленных. Каждый ров длиной сто метров и шириной четыре метра.

Именно там, в ДУЛАГе-184 в Вязьме, в те дни содержались бойцы и командиры, попавшие в плен во время первого вяземского окружения в октябре 1941 года. Среди них и часть «писательской роты» 22-го стрелкового полка 8-й дивизии народного ополчения — Степан Злобин, Михаил Лузгин, Василий Кудашев, Василий Дубровин, драматург Вячеслав Аверьянов. Степана Злобина вскоре отправили в концлагерь в Минск. Возможно, потому и уцелел. Прифронтовые лагеря были самыми зверскими и редко кто в них выживал.

Перед отправкой в Минск офицеров отделили. С тех пор Воробьев пребывал в особой группе, за которой следили строже, кормили хуже и сильнее наказывали за любой проступок.

«...И вновь в мучительном раздумье Сергей начал искать пути выхода на свободу. И вновь по ночам, ежась от холода, раздирая тело грязными ногтями и выковыривая впившихся в кожу паразитов, рисовал соблазнительные и отчаянные варианты побега. Знал: не один он лелеет эту мечту. Но не говорят в лагере открыто о ней, носят эту святую идею осторожно и бережно, выискивая тех, кому можно ее доверить.

Шел март. Наступила весна 1943 года. В полдни подсолнечные стороны барачков уже начинали нагреваться, длинней и голодней становились дни. В лагере подсыхала грязь. На раките, что была заключена немцами в лагерь вместе с пленными, набухали лоснящиеся красноватые почки. Они были клейкие и нежные, во рту отдавали горечью и тонко пахли лугом.

«Бежать, бежать, бежать!» — почти надоедливо, в такт шагам, чеканилось в

уме слово. «Бе-ежа-ать!» — хотелось крикнуть на весь лагерь и позвать кого-то в сообщники... Нужен был хороший, надежный друг.

И лип Сергей к разговору кучки пленных, прислушивался к шепоту и стону, лоя в них это свое «бежать»...

Так заканчивается повесть Константина Воробьева, написанная им в 1943 году в литовском городе Шяуляе в доме № 8 по улице Глуосню. В этом доме лейтенант Красной Армии и недавний узник немецкого лагеря смерти вынужден был отсиживаться, переживая полицейские облавы на партизан и подпольщиков. Тридцать дней писалась первая повесть, которую он первоначально назвал «Дорога в отчий дом». И сорок два года ждала своей публикации, уже под названием «Этот мы, Господи!» В 1948 году Константин Воробьев отдал рукопись в журнал «Новый мир». Повесть забраковали. Воробьев решил к ней больше не возвращаться. Не осталось даже рукописи с полной авторской редакцией. Лишь в 1985 году ее обнаружили в Центральном государственном архиве литературы и искусства в фонде журнала «Новый мир».

Вячеслав Кондратьев на эту повесть отозвался так: «Повесть эта — не только явление литературы, она — явление силы человеческого духа, потому как... писалась как исполнение священного долга солдата, бойца, обязанного рассказать о том, что знает, что вынес из кошмара плена...»

Журналом тогда управлял Константин Симонов. Скорее всего, эту рукопись он и в глаза не видел. Управилась с нею без него. Хотелось бы верить, что это так...

4

Шесть лагерей. Пять этапов. Три побега. Один удачный.

В третий раз он бежал в день своего рождения 24 сентября 1942 года, когда его вместе с группой военнопленных из тюрьмы города Паневежиса вывезли на работы. В паневежеской тюрьме он содержался после второго побега. Тогда его, обессиленного, измученного голодом, долго бродившего по лесам, задержали литовцы и сдали в местную полицию.

Третий побег с какого-то момента пошел по сюжету второго. На этот раз Воробьев решил не выходить к людям, обходял деревни и хутора. Но вскоре обессилен, скудный запас хлеба закончился. В какой-то момент он решил умереть в лесу, но к литовцам не выходить. К счастью, на него набрела девушка, дочь лесника Вера Дзенис. Вначале она испугалась и бросилась к сторожке. Но русский ее окликнул. Ей показалось, что окликнул он ее по имени. Впоследствии Вера Яновна рассказывала, что накануне видела сон: будто из лесу в их дом пришел русский, «который стал ее судьбой».

Лейтенант вскоре поправился, окреп. Вера познакомила его с другими красноармейцами, жившими на хуторах, как тогда говорили, «на задержке» или «в зятях». Вскоре лейтенант Воробьев создал партизанский отряд. Отряд действовал как часть партизанского соединения «Кяститус» — «Терпеливый». В отряд лейтенанта Воробьева вошли «зятков», другие бойцы и офицеры Красной Армии, бежавшие из концлагерей. Вера, ставшая женой, исполняла обязанности санинструктора. Отряд действовал до полного освобождения Литвы от немецкой оккупации. Партизаны «Кяституса» нападали на немецкие колонны, громили небольшие гарнизоны, взрывали военные объекты, выводили из строя коммуникации. «За отвагу, геройство и выдающиеся успехи в партизанской борьбе» лейтенант Воробьев был награжден медалью «Партизану Отечественной войны» 1-й степени.

После того как Шяуляй и окрестности были очищены от немцев и полицаяв, Воробьева назначили начальником штаба местной ПВО. Свое подразделение он

сформировал из самых надежных и проверенных в бою — бывших бойцов «Кяституса». Когда из СМЕРШа затребовали документы на его подчиненных, Воробьев на каждого написал положительную характеристику. Сотрудники госбезопасности тщательно изучили поручительства лейтенанта Воробьева и неожиданно сделали следующий шаг: выборочно, попросили бывших партизан охарактеризовать его самого, своего командира. Особенно их интересовал период создания и боевых действий отряда — как себя вел лейтенант, что говорил и прочее. Одним словом: нет ли вошки, нет ли блошки... Опрошенные все как один поручились за своего командира. Однако проверка шла долго. Изучались архивы концлагерей, которые, хоть и частично, удалось захватить при освобождении Подмосковья, Смоленщины, Белоруссии и Литвы. Уходили запросы в Клин, Вязьму, Смоленск, Минск и в Каунас. Фактов, порочащих К. Д. Воробьева как офицера и гражданина Советского Союза, выявлено не было. Зато подтвердились все три побега. Пунктуальные немцы зафиксировали все. Помогла и медаль.

Вот такой была война лейтенанта Воробьева. У каждого, кто потом будет писать романы, повести и рассказы, пополняя библиотеку «лейтенантской прозы», война была своей. У лейтенанта Воробьева — такой. И если уж зашла речь об этом, правды ради, надо признать вот что. «Лейтенантская проза», а во многом и вообще военная проза, вышли из повести «Это мы, Господи», написанной в 1943 году, т.е. из курсантской, с лейтенантскими кубарями, шинели Константина Воробьева.

Критик Игорь Золотуский писал, что имя Константина Воробьева «сделалось в литературе символом чести».

Военные повести Константина Воробьева, кроме значения литературного, имели еще огромное социальное значение. Долго у нас в стране к солдатам, побывавшим в плену, относились, мягко говоря, с предубеждением. За многими из них закрепились обидные прозвища — «Пленный». Вместо имени: «Эй, Пленный!..» Судьба их уже достаточно протащила через унижения немецких, румынских, венгерских концлагерей, многие прошли и советские фильтрационные... Повезло тому, кого освободили с боем, и командиры дивизий, полков и батальонов, осмотрев «пополнение», способных держать оружие тут же переодевали, выдали им винтовки и автоматы и ставили в строй. Хлебнувшие немецкого плена, воевали хорошо, яростно, мстили и за свои обиды, и за гибель товарищей. Мотивация, как сейчас говорят, у них была огромная. Так вот военные повести Константин Воробьева способствовали тому, что в обществе, как у тех фронтовых комбатов и командиров полков, исчезло недоверие к пленным. Они по праву, уже без внутренней опаски, встали в ряд ветеранов Великой Отечественной войны, стали пользоваться теми же государственными льготами, социальными пособиями. Их награждали к очередной круглой дате юбилейными медалями. Чиновники уже не корчили рожи, не превращались в камень, когда к ним приходил ветеран, мучившийся в вяземском ДУЛАГе-184 или в рославльском концлагере, в минских Пушкинских казармах или в Саласпилсе. Он был таким же, как и все воевавшие, он тоже приближал Победу.

5

В 1947 году Константин Воробьев демобилизовался из армии. Поселился с женой Верой Яновной в Вильнюсе. Спустя какое-то время снова взялся за перо. Хотя заключение, пришедшее из «Нового мира» на повесть «Дорога в отчий дом», сил не прибавляло. Ему, конечно, тогда казалось, что сам Константин Симонов вынес тот приговор: писать, мол, о войне вы не умеете...

Константин Воробьев начал писать о деревне 20-х и 30-х годов. Коллективизация. Голод. Так появились повесть «Друг мой Момич» и рассказы.

Первая книга «Подснежник» вышла только в 1956 году в Вильнюсе. Книга впечатлени не на издателя, ни на читателя не произвела. И тогда Константин Воробьев снова возвращается к войне. В 1962 году заканчивает и публикует повесть «Крик», а 1963-м — «Убиты под Москвой». И в одну, и в другую повести положен личный опыт и пережитые страдания. Писателя замечают. Но одновременно его начинает со всех сторон рвать официозная критика: «искажение правды о войне», «настроение безысходности, бессмысленности жертв...» и прочее в том же духе.

В 1958 году в журнале «Нева» напечатаны повесть «Последние хутора» и рассказ «Ермак». Константин Воробьев, наконец, вернулся в Россию — своей профессией, творчеством, словом.

Первые книги и публикации в журналах дали возможность оставить работу в торговле. Он был заведующим промтоварного магазина. А до этого работал грузчиком, киномехаником, да и кем только не работал... Его тут же пригласили в редакцию республиканской газеты «Советская Литва» на должность заведующего отделом литературы и искусства. Спустя два года он все же окончательно оставил службу и целиком занялся литературной работой.

В 1963 году Александр Твардовский публикует в «Новом мире» повесть «Убиты под Москвой». Автор считал эту повесть лучшим своим творением и хотел опубликовать именно в журнале Твардовского, который считался в те годы флагманом литературной жизни Советского Союза. К тому же хотелось проломить ту стену неприятия, которая появилась пятнадцать лет назад, когда была отвергнута повесть «Дорога в отчий дом». Стену проломил и, надо сказать, с грохотом. Повесть сразу заметили. О Воробьеве заговорили.

Виктор Астафьев: «Константин Воробьев силен там, где он пишет, давая себе и своему воображению полный простор, а языку — полное дыхание, как на ветру, напоенному запахами родной ему курской земли, русских полей и садов.

Он долго и трудно шел в литературу, его рукописи громили московские рецензенты... громили беспощадно, изничтожающе... за «искажение положительного образа», за «пацифизм», за «дегероизацию»... В особенности досталось за «окопную правду», за «натуралистическое» изображение войны и за искажение «образа советского воина».

А на самом деле он просто не мог отступить от правды, которую знал и не мог забыть. «Если писатель лжет перед своей совестью, — заклинал он себя, — и не желает видеть горе и беды народа, трагедию его называет исторической неизбежностью — он ничто, какими бы наградами не ублажало его правительство. Придет время, и для всех это станет очевидным и понятным. Тогда, кроме позора, такого писателя ничего не ждет. Я не знаю, будут ли меня читать потом, но я знаю, что на мою могилу никто не плюнет».

Евгений Носов: «Впервые я прочитал его более десяти лет назад, когда он был уже зрелым мастером. Это была повесть «Убиты под Москвой». В общем потоке тогдашней литературы о войне она остановила меня, как останавливает в картинной галерее, повергает в волнующее смятение, скажем, суриковское полотно «Утро стрелецкой казни». Повесть эта, будучи воистину оптимистической трагедией, поразила меня, как и все его последующие произведения, остротой и дерзкой смелостью письма, предельно обнаженным драматизмом, от которого буквально холодело сердце, каким-то особенным, крутым замесом сюжета, человеческих судеб и характеров, своеобразием самой техники раскованного энергичного мазка. Уже тогда я понял, что имею дело с писателем, обладающим недюжинной натурой и непростой личной судьбой.

<...>

Константин Воробьев принадлежит к тем несчастным писателям, которых потом многократно перечитывают. Уже известно, чем начинается и чем заканчивается то или иное произведение, а вот почему-то опять тянет к книге, хочется перелистать еще и еще... И это повторное, уже неспешное, углубленное постижение художника не менее радостно, нежели изначальное его открытие.

<...>

Теперь мне было ясно, как всю жизнь тянулся он к отчужденному дому, как обильно сочлились его книги этой неиссякаемой любовью к малой своей родине, с которой, увы, ему так и не пришлось воссоединиться, если бы и не пожить на ней остаток своих дней, то хотя бы лечь в нее и успокоиться навечно под «неимоверно синим и высоким небом», где «жаворонков сроду не было видно, но и с утра и до ночи они звенели и трепыхались там, крохотные и радостно живые».

Я недавно побывал в Прибалтике, посмотрел места, приютившие моего земляка. Наверное, Константин Воробьев любил их и не только потому, что эта земля по своему прекрасна задумчивой величавостью озер, девственностью прохладных лесов, вечной мятежностью северного неба, но и потому еще, что в грозные годы он сражался там с оккупантами, и литовские леса были в ту пору и кровом и домом его партизанскому отряду. Свята та земля, за которую пролита кровь».

Александр Солженицын: «Воробьев написал две прямодушные повести о подмосковных боях — «Крик» и «Убиты под Москвой». В них мы найдем, при всем скоплении случайностей и неразберихи любого боя, и нашу полную растерянность 41-го года; и эту немецкую легкость, как, при лихом закатанных по локоть рукавах, секли превосходными автоматами от живота по красноармейцам; и ту глупость неподготовленных командиров; и малодушие тех политруков, кто спешил свинтить шпалы с петлиц и порвать свой документ; и засады за нашей спиной откормленных заградотрядчиков — уже тогда, бить по своим отступающим; и еще, еще не все поместилось тут — и об этом тоже целые поколения не узнают правды?? — Повесть «Убиты под Москвой» безуспешно прошла несколько журналов и была напечатана в начале 63-го в «Новом мире» личным решением Твардовского. И концентрация такой уже 20 лет скрываемой правды вызвала бешеную атаку советской казенной критики — как у нас умели, на уничтожение. Имя Воробьева было затоптано — еще вперед на 12 лет, уже до его смерти».

Солженицын, косноязыча, как в большинстве случаев, когда речь идет о братьях-писателях и литературных делах, передергивает, а порой и лжет. Что касается «затаптывания», то в литературе всегда шла и идет война, и всегда одни направления затаптывают своих оппонентов, при этом больше всего страдают и страдали одиночки, оторванные от Москвы и Ленинграда (Санкт-Петербурга). Но наступает момент, «провинциалы» набирают силу, обретают читательскую аудиторию, и затоптать и их уже невозможно. Что касается Константина Воробьева, то «казенная критика» его травила, премий и орденов власть ему не давала. Больше всего от официальных критиков досталось повести «Убиты под Москвой». Во время таких войн, как правило, бьют за самое талантливое. К примеру, критик Н.В. Лесючевский, в 30-е годы служивший доносчиком-экспертом и активно помогавший следователям НКВД изобличать «врагов народа» в писательской среде, в своих статьях повесть «Убиты под Москвой» приводил как образец клеветнического произведения о войне.

Но писатели патриотического направления своего собрата всячески поддерживали. Издатели привечали. Читатель любил. Случалось, что рассыпали набор уже сверстанной книги. Но кого из самостоятельно мыслящих в те времена не рассыпали? Зачастую эти акции чиновников от литературы только подхлестывали читательский интерес к гонимому автору. Приведенная ниже библиография свиде-

тельствует о том, что Константин Воробьев в полном забвении не пребывал. Публиковался в «толстых» литературных журналах «Литва литературная», «Молодая гвардия», «Звезда», «Нева», «Новый мир».

В последние годы писателя потянуло на родину. Мечтал купить дом в Нижнем Рутеце. Дочь Наталья Константиновна рассказывала: «Папу советская власть не пустила в Россию. Он так и умер в Литве от рака... В течение двух лет мама билась, дом хотели купить. Но все время возникали какие-то препятствия. Папа всегда говорил, что надо жить на Родине: «Если со мной что-нибудь случится, обязательно переезжайте. Когда уже папа умирал, ему специальное разрешение на въезд дали. Как «приближение к сыну». У папы был сын в России — Владимир».

Советская власть, бесспорно, много заботилась о писателях. Достойные гонорары. Позволяла строить за собственные (литфондовские) деньги дома творчества. Во время получения жилья предоставляла дополнительные метры для рабочего кабинета. В Москве разрешала членам Союза писателей СССР участвовать в кооперативном долевом строительстве жилья. Но и крови писательской эта власть попила много.

Константин Воробьев переписывался с Виктором Астафьевым. Родственные души.

Постепенно пришло устойчивое признание, любовь читателей. Повести «Сказание о моем ровеснике», «Генка, брат мой», «Вот пришел великан», «Синель», «Седой тополь», «Почем в Ракитном радости», рассказы.

Написал он не так уж и много. Десять повестей и более тридцати рассказов и очерков.

Вернулся к повести «Крик», задумав развернуть ее в роман. По разрозненным черновым записям восстанавливал текст «Дороги в отчий дом», которой издатели дали другой заголовок, и с ним она теперь издается и переиздается — «Это мы, Господи!» Идею замысла определил так: «...просто жизнь, просто любовь и преданность русского человека земле своей, его доблесть, терпение и вера». Не успел.

Умер 2 марта 1975 года в Вильнюсе. Первоначально похоронен в Вильнюсе. В 1995 году по настоянию вдовы и дочери останки перевезли на родину и захоронили в Курске на Офицерском (Никитском) кладбище со всеми воинскими почестями.

В 1985 году Станислав Куняев опубликовал в журнале «Наш современник» только что найденную в архиве журнала «Новый мир» забракованную новомирскими редакторами повесть под названием «Это мы, Господи!» (первоначальное название «Дорога в отчий дом»).

Из воспоминаний дочери Натальи Константиновны:

«Он сделал из ванной комнаты себе кабинет: поставил стол, стул и всегда там работал. Закрывался, я зайти туда, конечно, не могла. Он писал очень тяжело. Мог в день написать страницу-две. Всегда карандашом».

«Мама была его другом, талисманом. Вместе они часто обсуждали произведения, говорили очень много. Даже ночами».

«Серо-зеленые глаза, копна волос. Очень видный был мужчина. Никогда не скажешь, что это мальчик из глубокой деревни. Он обладал такой статью, изысканностью. Правился женщинами».

«На литовском не разговаривал. Знал несколько выражений: чтобы такси взять, договориться о чем-то, деньги посчитать».

«Порой папа ругал Сталина. Помню его фразу: «Дайте мне десять автоматчиков, и Россия будет свободной». Вот... Россия стала свободной. Я думаю, очень хорошо, что папа сегодняшний наш мир не видит. Он был бы страшно разочарован».

Подснежник. Рассказы. — Вильнюс: Гослитиздат, 1956.

Седой тополь. Повести рассказы. — Вильнюс: Гослитиздат, 1958.

Гуси-лебеди. Рассказы. — М.: Молодая гвардия, 1960.

Одним дыханием. Повесть. — М.: Советская Россия, 1961.

Не уходи совсем. Повесть. — Вильнюс: Гослитиздат, 1963.

У кого поселяются аисты. Повести и рассказы. — М.: Советская Россия, 1964.

Седой тополь. Повести рассказы. — М.: Советская Россия, 1965.

Дорога в отчий дом. Рассказы. — М.: Московский рабочий, 1966.

Повести. Рассказы. — М.: Советская Россия, 1967.

Тетка Егориха. Повесть и рассказы. — Вильнюс: Vaga, 1967.

Цена радости. Повести и рассказы. — Вильнюс: Vaga, 1969.

Вот пришел великан... Повесть. — Вильнюс: Вайздас, 1971.

Сказание о моем ровестнике. Повести и рассказы. — М.: Советская Россия, 1973.

Крик. Повести. — Вильнюс: Vaga, 1976.

Вот пришел великан... Повести. — М.: Современник, 1976.

И всему роду твоему. Рассказы и повесть. (С предисловием Евгения Носова). — Вильнюс: Vaga, 1978.

Повести и рассказы. (Избранное). — М.: Советская Россия, 1980.

Убиты под Москвой. Крик. Повести. — М.: Художественная литература, 1980. Роман-газета, № 9.

Вот пришел великан... Повести. (С предисловием Евгения Носова). — Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 1984.

Крик. — М.: Современник, 1984.

Повести. — М.: Советская Россия, 1985.

Вот пришел великан... Повести. — М.: Известия, 1987. (Библиотека «Дружбы народов»).

Убиты под Москвой. Это мы, Господи! — М.: Художественная литература, 1987.

Убиты под Москвой. Повести. (Вступительная статья Евгения Носова. Примечания Веры Воробьевой). — Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 1988.

Повести. — М.: Книжная палата, 1988.

Мой друг Момич. Повести. — М.: Современник, 1988.

Заметы сердца. (Из архива писателя). — М.: Современник, 1989.

Убиты под Москвой. Повести. — М.: Правда, 1989. (Библиотека журнала «Знамя»).

Убиты под Москвой. Крик. Это мы, Господи! Повести. — М.: Детская литература, 1990. (Военная библиотека школьника).

Это мы, Господи! Повести. — Ижевск: Удмуртия, 1990.

Собрание сочинений в трех томах. — М.: Современник, 1991-1993.

Убиты под Москвой. Повести и рассказы. — М.: Художественная литература, 1994.

Рассказы. — Курск: Крона, 1997. (Курская книга).

Убиты под Москвой. Повести и рассказы. — М.: Детская литература, 2000. (Школьная библиотека).

Повести и рассказы. — М.: Звонница-МГ, 2003. (Библиотека мировой новеллы).

Вот пришел великан... Повести и рассказы. — Курск: Мечта, 2005.

Убиты под Москвой. Повести, рассказы. — М.: Вече, 2005. (Победа).

Это мы, Господи! Повести. — М.: Азбука, 2005 (Классика.)

Убиты под Москвой. Повести. — М.: Терра, 2005. (Великая Отечественная).

Это мы, Господи!.. — М.: Русский мир, 2005. (Литературная премия Александра Солженицына).

Убиты под Москвой. Повести и рассказы. — М.: Детская литература, 2008. (Школьная библиотека).

Убиты под Москвой. Повести. — М.: Вече, 2010. (Победители).

Вот пришел великан... — М.: Эксмо, 2010.

Убиты под Москвой. — М.: АСТ, 2011. (Библиотека школьника).

Убиты под Москвой. Повести. — М.: Амфора, 2015.

Убиты под Москвой. Повести. — М.: Детская литература, 2015. (Школьная библиотека).

Убиты под Москвой. Это мы, Господи! Крик. — М.: Клуб семейного досуга, 2015. (В огне Великой войны).

Убиты под Москвой. Повести и рассказы. — М.: Детская литература, 2019. (Библиотека школьника).

Избранное. — М.: Книжный клуб 36.6, 2019.

Собрание сочинений в 5 томах. — Курск: Славянка, 2008.

НАГРАДЫ И ПРЕМИИ

Медаль «Партизану Отечественной войны» 1-й степени.

Медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»

Премия им. Сергея Радонежского. Посмертно. (1994).

Литературная премия А. Солженицына. Посмертно. (2001).

